

ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени 300-летия воссоединения Украины с Россией

Ю. А. МЫЦЫК

АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ
ПО ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ
ВОЙНЫ УКРАИНСКОГО НАРОДА
1648—1654 годов

Утверждено редакционно-издательским советом
университета в качестве учебного пособия

Мыцык Ю. А. Анализ источников по истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов: Учебное пособие. — Днепропетровск: ДГУ, 1983. — 80 с.

В данной (1-й части) настоящего учебного пособия по источниковедению Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. рассматриваются документы гетмана Богдана Хмельницкого, как уже введенные в научный оборот, так и обнаруженные автором в архивохранилищах СССР и ПНР. Анализируется формуляр универсалов и приказов, изучается вопрос о его происхождении. Предпринята попытка классифицировать документы Б. Хмельницкого, определить степень их достоверности, охарактеризовать значение каждой из категорий гетманских документов. Рассматривается вопрос о репрезентативности всего комплекса документов Б. Хмельницкого.

Пособие предназначено научным работникам, преподавателям вузов, аспирантам, студентам исторических факультетов.

Под редакцией члена-корреспондента АН УССР, доктора исторических наук **Ф. П. Шевченко.**

Рецензенты: канд. ист. наук, доц. **В. В. Крутиков**, канд. ист. наук, доц. **Н. П. Ковальский**

Св. темплан 1983, поз. 28

Юрий Андреевич Мыцык

**АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ УКРАИНСКОГО НАРОДА
1648—1654 годов**

Редактор Л. М. Сокол

Технический редактор Л. Н. Вершута

Корректор И. А. Кравцова

Сдано в набор 19.04.83. Подписано в печать 23.09.83. БТ 71019.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Печать высокая.

Усл. печ. л. 4,65. Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 500 экз. Заказ № 773.

Цена 30 к.

Редакционно-издательский отдел ДГУ, г. Днепропетровск, пр. Гагарина, 72
Типография ДГУ, ул. Генерала Пушкина, 4.

© Днепропетровский ордена Трудового
Красного Знамени государственный
университет, 1983

ВВЕДЕНИЕ

Воссоединение Украины с Россией, подготовленное многовековым развитием экономических, политических и культурных связей двух народов, «столь близких, — по классическому определению В. И. Ленина, — и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹, было торжественно провозглашено 18(8) января 1654 года* на Переяславской раде. Закономерно, что 300- и 325-летие этого исторического акта отмечались всеми трудящимися СССР как знаменательные события. И сейчас, когда, как отмечал в докладе «Шестьдесят лет СССР» Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов, «партия создает такие социальные условия, в которых расцвет, всестороннее развитие каждой нации служат предпосылкой подъема и расцвета всего нашего братского Союза»², исследование исторических корней дружбы народов СССР, в частности русского и украинского, углубленное изучение истории Освободительной войны украинского народа, которая сделала возможным воссоединение Украины с Россией, продолжает оставаться весьма актуальным.

Исследование Освободительной войны имеет давнюю традицию, но ряд ключевых вопросов данной проблемы был разрешен лишь в советское время³. В то же время существует еще немало «белых пятен», и на этом спекулируют буржуазные и буржуазно-националистические авторы США, Канады, ФРГ и других капиталистических стран, искажающих и фальсифицирующих историю Освободительной войны, воссоединения Украины с Россией, русско-украинских, а также русско-польских, украинско-польских связей и отношений того периода. Ликвидация этих «белых пятен», успешная борьба с буржуазными и буржуазно-националистическими фальсификациями невозможны без совершенствования теории и методики исторических исследований и в первую очередь исторического

* Далее события датированы по новому стилю.

источниковедения; без привлечения «всей совокупности относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения»⁴. Между тем до сих пор отсутствует комплексное специальное исследование источников по истории Освободительной войны, отмечается значительное отставание в изучении отдельных источников или их групп.

Предметом исследования в данной работе являются документы гетмана Богдана Хмельницкого, возглавившего Освободительную войну, которые выделяются нами в особую группу. Мы исходили из принципов классификации исторических источников, в наиболее полном виде изложенных Л. Н. Пушкаревым (по типам, родам и видам)⁵. В то же время была принята во внимание принципиально иная классификация, предложенная С. М. Каштановым и А. А. Курносовым⁶, и наиболее удачно с нашей точки зрения примененная И. В. Степановым. Последний, изучая источники по истории Крестьянской войны под руководством Степана Разина, имеющей, кстати, немало общих черт с Освободительной войной украинского народа, разделил их на две группы: 1) отражающие тенденции повстанческого лагеря; 2) отражающие тенденции правительственного лагеря⁷. Поэтому, продолжая изучение письменных источников по истории Освободительной войны по видам⁸, мы в данном случае ограничиваемся рассмотрением документов Б. Хмельницкого как наиболее важных источников, вышедших из повстанческого лагеря и отразивших его тенденции.

Значение документов Б. Хмельницкого было оценено еще современниками Освободительной войны. Их информацию часто использовали авторы отечественных и зарубежных летописей и хроник, дневников и мемуаров. Примечательно, что уже в 1649 г. был впервые опубликован типографским способом документ Б. Хмельницкого (письмо к польскому королю Яну Казимиру от 17/VIII 1649 г.)⁹. Отечественные и зарубежные историки на протяжении трех столетий разыскивали и вводили в научный оборот документы руководителя Освободительной войны, изредка посвящая конкретным документам небольшие источниковедческие этюды. Лишь в советское время стало возможным опубликовать практически весь комплекс известных тогда гетманских документов — 499 единиц, включая 24 сомнительных или фальсифицированных¹⁰. Это ценнейшее археографическое издание было выполнено академиком АН УССР, д-ром ист. наук И. П. Крипьякевичем и канд. ист. наук И. Л. Бутичем. Оно сразу же стало незаменимым подспорьем для каждого специалиста по истории Освободитель-

ной войны, но, к сожалению, не вызвало активизации источниковедческих исследований, за редкими исключениями (Ф. П. Шевченко, А. З. Барабой, Н. Ф. Кучернюк и др.)¹¹.

Стремясь восполнить данный пробел, мы предпринимаем в настоящей работе попытку решить следующие задачи.

1. Привлечь все известные документы Б. Хмельницкого, в том числе и те их списки, которые еще не вводились в научный оборот, а также новые документы, обнаруженные нами в архивохранилищах СССР и ПНР; провести их учет.

2. Определить характерные черты внутренней формы документов Б. Хмельницкого; происхождение формуляров универсалов и приказов; решить некоторые вопросы аутентичности указанных источников.

3. Определить степень достоверности различных категорий гетманских документов, охарактеризовать возможность использования их информации в ходе научной реконструкции истории Освободительной войны.

4. Установить репрезентативность всего комплекса гетманских документов, а также отдельных его частей.

Методологической основой данного исследования являются труды основоположников марксизма-ленинизма. В ходе решения поставленных задач автор стремился использовать опыт советского источниковедения, в особенности таких авторов, как: С. Б. Веселовский, С. М. Каштанов, В. Б. Кобрин, А. А. Курносков, О. М. Медушевская, А. П. Пронштейн, Л. Н. Пушкарёв, И. В. Степанов, Н. Н. Улащик, Л. В. Черепнин, С. О. Шмидт и др.¹² Немалую пользу принесло ознакомление с упоминавшимися выше работами Ф. П. Шевченко, И. П. Крипьякевича, советских историков, плодотворно занимавшихся изучением истории Освободительной войны, а также В. А. Голобуцкого, В. С. Степанкова и др.¹³, с работами советских исследователей источниковедческих проблем истории Украины XVI—XVIII вв. (Н. П. Ковальский, А. К. Швидько)¹⁴.

Данная работа состоит из введения, двух глав, заключения и приложения. В первой главе рассматриваются универсалы и приказы Б. Хмельницкого, во второй — основное место отводится договорам, дипломатической переписке и некоторым иным группам документов предводителя Освободительной войны. Отметим, что в связи с ограниченностью объема работы многие выводы будут изложены в ней в тезисной форме без подробного обоснования. Из-за этого же мы вынуждены были широко использовать систему сокращений, которая поясняется в конце работы. Приложение включает в себе публикацию новых документов Б. Хмельницкого, обнаруженных

нами и впервые вводимых в научный оборот, а также реестр копий уже публиковавшихся гетманских материалов.

Глава 1

УНИВЕРСАЛЫ И ПРИКАЗЫ Б. ХМЕЛЬНИЦКОГО

§ 1. АНАЛИЗ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ УНИВЕРСАЛОВ И ПРИКАЗОВ

Универсалом называется документ, который в феодальной Речи Посполитой и на Украине XVI—XVIII вв. имел характер публично-правового акта (манифест, жалованная грамота и др.). Инскрипция (указание адресата) латиноязычных документов этого рода стран зарубежной Европы начиналась словами «universis et singulis» («всем и каждому»), т. е. формально универсал был обращен ко всем жителям того или иного государства. Отсюда и название документов данного рода — «универсал» (от латинского слова «universalis» — всеобщий). На Украине универсалы издавались (в смысле: писались, публично оглашались и др.) гетманами Войска Запорожского, полковниками и другими представителями генеральной старшины, а также вождями крестьянско-казацких восстаний XVI—XVIII вв.

В «Документах Богдана Хмельницкого» (далее: «ДБХ») было помещено 114 универсалов. Издатели не учли одного: ранее публиковавшегося документа — универсала лубенскому Мгарскому монастырю на владение сеножатями, принадлежавшими бернардинам (от 15/III 1653 г.)¹. После выхода в свет «ДБХ» исследователями было обнаружено и издано еще 4 универсала: 1) И. Нечаю с запрещением причинять ущерб слущкой крепости (от 6/VIII 1657 г.)²; 2) г. Слуцку, о защите его от постоев и переходов войск (от 7/V 1656 г.)³; 3) киевскому Пустынно-Никольскому монастырю на право рыболовли не только на левом, но и на правом берегу Днепра (от 3/IV 1652 г.)⁴; 4) универсал, запрещающий Войску Запорожскому и всем повстанцам причинять ущерб владениям князя Доминика Острожского-Заславского (от 30/VII 1648 г.)⁵.

Таким образом, в настоящее время известно 119 универсалов Б. Хмельницкого, из которых 58⁶ были созданы в годы Освободительной войны. В оригинале сохранилось 53 документа, остальные 66 — в копиях и переводах. Следует отме-

тить, что понятие «оригинальный универсал» является в известной мере условным. Далеко не все документы Хмельницкого создавались им собственноручно, хотя все они, за единственным исключением, скреплялись гетманской подписью. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить почерки нескольких универсалов, копии которых помещены в «ДБХ» (176, 283, 374)*. Из них лишь № 176 написан гетманом собственноручно. Ясно, что универсалы часто диктовались генеральному писарю или канцеляристам, среди которых были высокообразованные люди, например автор «Львовской летописи» дипломат Михаил Гунашевский, и даже создавались последними по распоряжению гетмана. Об этом свидетельствуют современники⁶, а сам Хмельницкий прямо заявил в одном из своих универсалов: «приказуем... сей наш универсал написати» (383). Не случайно на 7 гетманских универсалах обнаруживаем еще и подпись генерального писаря И. Выговского (96, 110, 115, 138, 222, 318). В оригинале одного из универсалов вообще отсутствует подпись Хмельницкого. Этот документ завизирован генеральным писарем И. Демковичем (Креховецким) (13). То обстоятельство, что текст универсала, как и любого другого гетманского документа, мог быть написан не Хмельницким, а, скажем, рядовым канцеляристом, ясно свидетельствует обнаруженный нами формулярник. Он находится в рукописном сборнике исторического содержания середины XVII в., в котором помещен список I редакции украинского хронографа, летопись киевлянина Я. Бинвилского и др. Здесь же имеются материалы, объединенные заглавием: «Информации листов, так до ц[а]ря московского, [як и] до круля польского и до розних сенаторов списани Семионом Кгалукговским, [року] 1656, марта 12 дня»⁷.

С. Галуговский скопировал «формы листов» царя Алексея Михайловича к Б. Хмельницкому от 14/X 1653 г.; письма самого гетмана к польскому королю Яну-Казимиру, великому гетману коронному Ст. Р. Потоцкому (см. прил.); образец проезжего «листа» украинским купцам, изданного полковником Войска Запорожского к русским порубежным воеводам в 1650 г., а также несколько писем, созданных турецким султаном и польскими государственными деятелями первой половины XVII в. Кроме того, здесь помещены образцы титулов русского царя Алексея Михайловича, польских королей, ти-

* Здесь и далее в скобках указаны номера документов Хмельницкого, помещенные в упомянутой публикации И. П. Крипьякевича и И. Л. Бутича.

тулы Б. Хмельницкого, характерные для периода 1654—1657 гг., стандартные обороты и формулы вежливости и т. д. Вероятно, у многих канцеляристов были такого рода материалы, облегчавшие им задачу правильного составления документов.

И все же, хотя универсалы, как и иные гетманские документы, не обязательно составлялись самим Хмельницким, они обязательно издавались по его повелению, от его имени и заверялись гетманом собственноручно. Следует отметить, что такого рода канцелярская практика была характерна не только для аппарата Хмельницкого, но и практически для всех европейских государств. Так, например, в России XVII в. царские грамоты обычно создавались писцами и весьма редко подписывались царем, хотя к этим грамотам, как правило, привешивалась царская печать. При этом часто в грамотах Русского государства, Великого княжества Литовского (далее ВКЛ) XIV—XVII вв. даже указывалось имя писца, например: «А сию душевную грамоту писал дьяк мой Данилко Мамырев» (подпись духовной грамоты Ивана III)⁸.

Гетманские универсалы создавались по самым различным поводам, и в силу этого являются весьма разнородными. Сам Хмельницкий часто называл универсал не только «универсалом», но и «писанем» (то есть посланием), «листом» (36, 39, 83, 89, и др.). Даже один и тот же документ мог быть назван Хмельницким и «универсалом» и «листом» одновременно (178). В силу этого приходится полагаться не столько на указания самого гетмана, сколько на характер содержания и особенно внутренней формы документов.

Впервые задачу дипломатического анализа универсалов Хмельницкого поставил И. П. Крипьякевич⁹. В ходе ее решения он расчленил гетманские универсалы на составные части, выделил характерные для них штампы, описал абстрактный формуляр универсалов Хмельницкого. Вместе с тем его исследование явилось слишком кратким и неполным, и прежде всего это касается вопросов происхождения формуляра. Опираясь на опыт советской дипломатики и в особенности на вышеупомянутый обобщающий труд С. М. Каштанова, мы предприняли попытку восполнить имеющийся пробел. Здесь необходимо сделать несколько вводных замечаний. Как известно, условный формуляр акта подразделяется на три части, каждая из которых распадается на несколько составных:¹⁰

1. Начальный протокол: 1) *invocatio* — богословие;
- 2) *intitulatio* — обозначение лица, от которого исходит доку-

мент; 3) *inscriptio* — обозначение адресата; 4) *salutatio* — приветствие.

2. Основная часть: 5) *arenga*, *prologus* и др. — преамбула; 6) *promulgatio* — публичное объявление; 7) *narratio* — изложение обстоятельств дела; 8) *dispositio* — распоряжение по существу дела; 9) *sanctio* — запрещение нарушения документа; 10) *corroboratio* — сведения об удостоверительных знаках документа.

3. Заключительный протокол: 11) *datum* — место и время выдачи документа; 12) *apprecatio* — заключение¹¹.

Рассмотрим поочередно каждую часть формуляра гетманских универсалов.

Начальный протокол

Инвокация. Отсутствует во всех универсалах гетмана, за исключением единственного (462). Отсутствие инвокации — характерная черта русских, украинских и белорусских актов XIV—XVII вв., за исключением духовных грамот. Интересно, что в грамотах ВКЛ XIV—XVI вв., написанных на украинском и белорусском языках, инвокации нет, хотя она присутствует во всех грамотах, писанных по-латыни¹². В этом, бесспорно, сказалось влияние различных канцелярских традиций: в первом случае восточнославянской, восходящей ко временам Древнерусского государства, во втором — западноевропейской. По свидетельству С. М. Каштанова, инвокация не употреблялась в древнерусских княжеских актах и лишь изредка присутствовала в них символически, в виде нарисованного креста¹³. Добавим, что во всех сохранившихся грамотах галицкого князя Льва Даниловича (начало XIV в.) инвокация отсутствует полностью¹⁴. В универсале № 462 она имеется в следующем виде: «Во имя господа, аминь, к вечной памяти речи (т. е. дела. — Ю. М.)». Такого рода инвокация зафиксирована в одном из документов Войска Запорожского — универсале гетмана И. Петрижицкого и всего Войска Запорожского от 22/III 1632 г. с выражением их согласия на создание Киево-Могилянской коллегии и обещанием иметь ее всегда под своим покровительством: «Во имя отца и сына и святого духа, пресвятые животворящие троицы, ку вечной тоей речи памяти станься, аминь». Этот универсал видел Хмельницкий до 1654 г. и подтвердил его своей записью, не учтенной составителями «ДБХ»: «Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского»¹⁵. Такая же формула инвокации обычна для духовных грамот киевских митрополитов (И. Борецкий, П. Могила) и других иерархов православной церкви¹⁶, документов православ-

ных братств. Ею начинается, например, «Вписной лист» (1616 г.) киевского братства; акт последнего, данный П. Могиле с изложением условий слияния лаврской и братской школ, т. е. создания Могилянской коллегии (1631 г.) и др.¹⁷ Использование формулы богословия, характерной для документов церковных иерархов, свидетельствует об участии последних в выработке универсала № 462. Это не было случайным, так как в документе содержались важные положения о католической церкви в Белоруссии.

Интитуляция. Присутствует почти во всех универсалах Хмельницкого, за исключением некоторых, сохранившихся в копии. Она представляет собой наиболее стандартную часть универсалов: «Богдан Хмельницкий, гетман з Войском его королевской милости Запорожским», «Богдан Хмельницкий, гетман з Войском Запорожским», «Богдан Хмельницкий, гетман з Войском его царского величества Запорожским». Обычно гетман использовал 1-й вариант интитуляции в 1648—1651 гг., 2-й — в 1651—1653 гг., 3-й — в 1654—1657 гг. Есть и некоторые исключения из правила. Так, в переписке с русским правительством в 1648—1649 гг. Хмельницкий опускал слова «его королевской милости», выражая тем самым стремление ускорить воссоединение Украины с Россией. Это и некоторые иные исключения были обстоятельно прокомментированы И. П. Крипьякевичем, Ф. П. Шевченко и особенно А. З. Барабоем¹⁸.

Следует также подробнее остановиться на интитуляции универсала к пинской шляхте, которая особого внимания исследователей к себе не привлекала: «Мы, Богдан Хмельницкий, гетман генеральный Войск его царской милости Запорожских» (перевод с польского языка. — Ю. М.). И на сей раз аналогия отыскивается в известном Хмельницкому универсале И. Петрижицкого от 22/III 1632 г.: «Мы, Иван Петрижицкий, гетман генеральный Войск его царской милости Запорожской милости Запорожское»¹⁹. Местоимение «мы» в устах Хмельницкого не было пустым звуком. Оно действительно подчеркивало коллегиальный характер выработки данного универсала-манифеста, обращенного к пинской шляхте и гарантировавшего ей различные права.

Инскрипция. Представляет собой сложную и изменчивую формулу. И. П. Крипьякевич правильно определил 4 основных типа инскрипций. К 1-му относится формула, начинающаяся словами: «Всім воец и кождому зособна, кому о том відати належит». После этой части инскрипции, условно обозначенной нами как общая, следует громоздкое продолжение, уточ-

няющее круг адресатов (представители гетманской администрации или реже — представители городских и сельских властей. Эта вторая часть, условно обозначенная нами как уточняющая, переходит в третью, конкретизирующую часть инскрипции, где обычно указывается адресат: некое лицо или достаточно узкий круг лиц. Следует отметить, что во 2-й части инскрипций перечень адресатов подавался при строгом соблюдении субординации (от высших представителей администрации к низшим), например: «а меновите панам пулковников, суддям, асаулом, сотником, атаманом и всей старшині и черні Войск его царского величества Запорозских, кому толко сее наше показано будет писане» (319). Тип 1-й формулы инскрипции совпадает с формулой, которой пользовались гетманы и полковники Войска Запорожского до 1648 г. Так, универсал полковника К. Волка к урядникам украинских городов от 6/XI 1635 г. адресовался: «Wszem wobec i każdemu zosobna, komu by o tem wiedziec należalo, mianowicie...»²⁰. В свою очередь, эта формула универсалов гетманов и полковников Войска Запорожского восходит к соответствующим формулам универсалов польских королей Стефана Батория, Сигизмунда III, Владислава IV. Да и Ян Казимир в своем универсале к Войску Запорожскому от 7/VIII 1649 г. писал: «Wszem wobec i każdemu zosobna, komu to wiedziec należy, mianowicie pułkownikom, asawulom, setnikom, molojcom Wojska naszego Zaporoskiego»²¹. Однако еще более распространенной была формула 2-го типа, для которой характерно сочетание инскрипции и промультягии, причем последняя предшествует инскрипции. Здесь можно выделить 5 основных вариантов:

1) «Ознаймуем тим писанем нашим, кому би толко потреба было відати а меновите» (или «особливо». — Ю. М.). Далее следовала 2-я часть формулы, идентичная уточняющей части инскрипции 1-го типа;

2) «Ознаймуем тим писанем нашим кождому, кому би о том відати належало, а меновите...»;

3) «Ознаймуем тим писанем нашим, кому колвек показано будет, тепер и напотом...»;

4) сокращенный — «Ознаймуем тим писанем нашим»;

5) близкий к 1-му типу: «Ознаймуем тим писанем нашим вшем wobec...».

Следует отметить, что тип 2-х формул инскрипций совпадает с формулой некоторых сохранившихся универсалов гетманов Войска Запорожского, а также польских королей XVI—XVII вв., например — с универсалом Стефана Батория от

16/VI 1578 г.: «Ознаймуемы тим листом нашим вшем вобец и кождому зособна, кому то ведати належит»²². Латинская же параллель этой формулы уходит корнями к глубокому прошлое. Так, в грамоте вроцлавского бискупа Герварда от 18/IX 1317 г. находим инскрипцию: «Noverint universi ad guos pervenerit presens scriptum»²³.

Отметим также особый вариант формулы второго типа, начинающегося со слов «Відомо чиним» или «До відомости доносим», который, по нашим наблюдениям, является весьма архаичным. В таком виде тип 2-й формулы инскрипции весьма близок к соответствующей части гетманских универсалов первой половины XVII в. Так, совместное заявление гетмана Войска Запорожского О. Голуба и киевского митрополита И. Борецкого от 4/VII 1622 г. имеет следующую инскрипцию: «Ведомо чиним, кому то належати может, нинейшего и напотом будучого віку людем»²⁴. Нередко подобные формулы использовало украинское православное духовенство²⁵. Они отыскиваются и в более глубокой древности, в актах ВКЛ XIV—XVI вв., написанных обычно на украинском или белорусском языках. Это не было случайным, поскольку традиции древнерусской, а затем украинских и белорусских княжеских канцелярий оказали сильнейшее воздействие на канцелярскую практику ВКЛ. Так, в грамоте великого князя литовского Олѣгерда от 25/VIII 1342 г. встречаем следующую инскрипцию: «Чиним знаменито сим нашим листом, хто на него посмотрит, або, чтучи его, вслышит, нинейшим и потом будучим, кому будет потреба того видати»²⁶. В свою очередь канцелярская практика ВКЛ и традиции местного украинского и белорусского делопроизводства оказывали влияние на формуляр документов Войска Запорожского и Польши.

Был достаточно распространен и 3-й тип формулы инскрипции. Для него характерно непосредственное обозначение адресата («Паном полковником...»), после чего следует промульгация «до відомости подаємо» (110), «доносим до відомости» (382). Такого рода формулы идентичны формулам инскрипций гетманских приказов, в результате чего иногда возникает путаница. Однако и они не были изобретением Хмельницкого или его канцеляристов, а использовались их предшественниками. Так, тип 3-й инскрипции встречается в универсалах К. Скидана (1637 г.), И. Петрижицкого (1632 г.)²⁷. Еще раньше сходную формулу использовал Гр. Лобода в своем универсале от 9/VIII 1595 г.: «Товаришум нашим козаком Войска нашего Запорожского, который себе номенует бить козаком, а товаришом нашим в Жорнищах»²⁸.

Следует отметить, что сходные формулы типа 3 имеет также целый ряд универсалов и грамот польских королей и великих князей литовских XV—XVII вв., а также коронных гетманов XVI—XVII вв.²⁹

К типу 4 инскрипции принадлежит лишь один универсал (462): «Ознаймуем щим листом утвердження вірою нашою і всього Війська кожного, кому належить про це знати» (перевод с польского. — Ю. М.). Здесь имеет место сложная формула, в которой инскрипция смешана с corroborацией: «затверджуем вірою нашою і всього Війська». Употребление данного выражения было обусловлено характером и содержанием документа. Давая широкие гарантии пинской шляхте, гетманская администрация клялась в их исполнении, что в данном контексте было вполне уместным. Эта же формула также подтверждает коллегиальный характер выработки документа.

Остальные несколько универсалов объединяет одна черта: полное отсутствие инскрипции. В одном случае (16, 229) непосредственно после интитуляции следует наррация, в ином (131) — аренга-наррация: «Поневаж всемогущею своєю рукою десною бог и створитель неба и землі сподобил мні ...неприятелі ...православной церкви..., ляхов з України в Полшу далеко прогнати...» Последний универсал весьма напоминает некоторые документы киевского братства, грамоты, выданные Братскому монастырю в первой половине XVII в. иерусалимскими патриархами Феофаном (1620 г.), Паисием (1649 г.), константинопольским патриархом Кириллом (1623 г.), а также заветания И. Борецкого (1631 г.), П. Могилы (1646 г.) и др.³⁰ Как известно, Хмельницкий был в теснейшем контакте с патриархом Паисием, покровительствовал Могилянской коллегии, а свой универсал Братскому монастырю издал всего лишь полтора года спустя после выдачи ему же «благословенной грамоты» от Паисия. Это объясняет причину столь необычного построения данного универсала и содержания его аренги-наррации. Кстати, один из вышеупомянутых универсалов (16) также касается монастырских дел, и его специфику можно объяснить влиянием документов православной церкви. Особое построение имеют документы, обозначенные в «ДБХ» как универсалы (226, 297), но о них речь пойдет ниже.

Салютация. Эта часть формуляра имеется лишь в двух универсалах гетмана: «по залеценію зичливости нашею» (40), «доброго здоровья желаю вам от бога» (226). Салютацию можно встретить и в универсале И. Петрижицкого от 1/VIII 1632 г. и приказе П. Сагайдачного от 13/V 1619 г., где она следовала после инскрипции³¹. «Универсал або лист» гет-

мана Григора Изаповича (1606 г.) начинался непосредственно с приветствия: «при отданю поволностей своих»³². Салютация встречается также в универсалах польских королей, коронных гетманов, полковников, например: Ст. Конецпольского, М. Калиновского (1630 г.) и др.³³ В данном случае универсалы испытали определенное влияние не только канцелярских традиций, но и эпистолярного жанра, где салютация была непременным атрибутом.

Основная часть

Аренга. Сравнительно редко встречается в универсалах Хмельницкого. И. П. Крипьякевич точно указал три бесспорных случая ее использования. Как отметил С. М. Каштанов, аренга могла иногда иметь характер юридической ссылки, но в этих случаях она обычно сливается с наррацией³⁴. Действительно, в ряде универсалов Хмельницкого можно найти сходное явление, причем аренга-наррация проявляется в формулах типа: «иж ведлуг надання ясне освещенных княжатей їх милостей Вишневецких православных» (81).

Наррация является обязательной частью универсалов Хмельницкого, хотя имеются и некоторые исключения (39, 115, 152, 190, 226, 274, 322). В большинстве случаев нарративная часть универсалов открывалась выражениями «иж видячи», «дошла відомость», «маючи взгляд и респект» и др. Достаточно часто встречается изложение так называемой *petitio* — просьбы о выдаче универсала, челобитной (13, 15, 84, 138, 156, 249, 301, 318, 344, 356, 403, 430, 460). Так, например: «жалосне ся ускаржали» (13), «жадали от нас... отцеве монастира... Густинского (15) или «позволилисмо на просбу... отца Інокентія Кгізеля» (356). В некоторых случаях гетман употреблял стандартный оборот, но с дополнением, достойным «Энеиды» И. П. Котляревского, например: «ми, маючи взгляд на панов Мартина і Федора Воронов..., взявши [іх] в протекцію нашу і наклонивши ухо до прозби їх» (403) (выделено нами. — Ю. М.). Отметим, кстати, что в документах Хмельницкого частенько встречаются яркие обороты, например константинопольский патриарх Афанасий «праве вырвался з пащеки бисурманскої» (196). Полковника И. Золотаренко гетман предостерегал от повторения ошибок кампании 1654 г. в Белоруссии, когда был потерян темп наступления из-за того, что его войска замешкались «возле курников» (курятников), т. е. крепостей (316).

В ряде универсалов «петицию» сочеталось с указанием на предоставление грамот для подтверждения, например: «Ми-

хайло Гунашевский, протопопа киевский, покладал перед нами записов два, один од пана Павла Яновича Хмельницкого, полковника киевского, собі, малжонце, и потомком своим на вічну продажу пляцу і двора... і другий од Івана, цирулика...» (460). Отметим, кстати, что в «ДБХ» из-за ошибки, допущенной в копии, фамилия автора «Львовской летописи» подана в искаженном виде (Гунатерский). В оригинале документа, хранящемся в отделе рукописи Ягеллонской библиотеки (№ 6147, IV, т. 2, с. 27—28), читается, бесспорно, «Гунашевский». В некоторых случаях гетман упоминает о документах, побудивших его издать универсал: «нас встретил в пути посол его королевской мости... пан Гижевский с письмом е. к. м....», а далее пересказывалось письмо Яна Казимира (36).

В нарративной части гетман иногда ссылался на свои универсалы, изданные ранее (83, 251, 283, 305). В одном из них он упоминает о двух предшествующих универсалах, согласно которым Максаковский монастырь получал «маетности» (282). Эта ссылка является достоверной, так как упомянутые универсалы хорошо известны и помещены в «ДБХ» под № 139, 140. Некоторые универсалы, на которые сделаны ссылки самим Хмельницким, не дошли до нашего времени, и факция позволяет частично реконструировать их содержание, равно как и других документов. Следует отметить, что в нарративной части универсалов Хмельницкого содержатся иногда уникальные сведения, как например, о борьбе трудящихся масс украинского народа не только против польской шляхты, но и против «собственных» феодалов, в частности православных монастырей (13, 16).

Диспозиция включает в себе распоряжение, приказ гетмана и является непременным атрибутом каждого универсала без исключения. В большинстве случаев она открывается словом «прето» (поэтому). Далее следовали различные слова и выражения, наиболее распространенными из которых являлись: «приказуем», «росказуем», «жадаем», «напоминаем», «позволилисмо», «хочемо», «постановляемо». Нередко эти слова подаются в более энергичных формулировках: «суворо приказуем», «срокго напоминаем» и т. д. Иногда употреблялась повторная диспозиция. Дело в том, что универсал мог заключать несколько различных распоряжений и каждая из них начиналась все с тех слов типа: «суворо теж росказуем» (282). Диспозиции поэтому располагались одна за другой, изредка следуя после санкции (249). Весьма своеобразной является диспозиция универсала № 181, в которой, правда, можно усмотреть некоторые элементы санкции: «І по-десяте

напоминаем, аби ні в чом волі нашої не противляючисе, все тое в цілі приказане заховане било».

В отдельных случаях диспозиция могла содержать в себе элементы наррации. В приказе (283), который обязывает нежинского наказного полковника добиться выполнения универсалов о передаче Максаковскому монастырю нескольких сел, Хмельницкий упрекал его за то, что тот не принял должных мер против «непослушенства» крестьян. При этом, излагая свое распоряжение, гетман добавил: «А кгда ж ми і перед тим на море ходечи і криваве здобываючис не однимали, але на монастирі надавували». Как нам удалось установить, наказным нежинским полковником был тогда Роман Катиержный (Котарный), который, спустя неделю, 28/X 1654 г., издал свой универсал, обязующий крестьян исполнять волю гетмана³⁵. Отметим, что свое прозвище Р. Катиержный получил из-за того, что, участвуя в морском походе запорожцев против Турции, попал в плен и длительное время был невольником на турецкой галере («каторге»). Всего на галере находилось 242 невольника, в подавляющем большинстве русские, украинцы, белорусы. В 1642 г. они подняли успешное восстание на галере в то время, когда она находилась в проливе Дарданеллы. Уйдя от погони, повстанцы обогнули Грецию, а затем прибыли в Палермо (Сицилия) и в Неаполь. Оттуда они направились в Рим, где были приняты папой римским Урбаном VIII и большинство из них после этого вернулись на родину. Р. Катиержный остался на службе у Фердинанда III Габсбурга, вице-короля Королевства обеих Сицилий. Прослужив там 4 года, он вернулся на родину незадолго до начала Освободительной войны, а когда она вспыхнула, принял в ней активное участие. Р. Катиержный неоднократно также участвовал в дипломатических миссиях повстанцев, в первую очередь во время переговоров под Белой Церковью (1651 г.), посольствах в Турцию и др.³⁶ Обо всем этом Хмельницкий знал, и, упрекая Р. Катиержного в отсутствии должного рвения в отстаивании интересов монастырей, намекал на пожертвования, сделанные повстанцами, бывшими невольниками, в 1642 г. греческим и итальянским монастырям.

Санкция присутствует почти во всех универсалах Хмельницкого, за редкими исключениями (131, 226, 297, 322, 410, 462). Собственно, в универсале-манифесте (462) санкция выглядела бы явно неуместной. В другом документе (322) речь шла о сравнительно маловажном вопросе: разрешении Братскому монастырю сытить мед на праздники, поэтому санкция была сочтена излишней. Стандартные формулы санкций были

достаточно хорошо изучены И. П. Крипьякевичем³⁷, поэтому отметим лишь, что некоторые из них употреблялись гетманами и в первой половине XVII в., например П. Конашевичем-Сагайдачным («того постерегали, жебы ним болшей докуки от них не было»), а также польскими королями, великими князьями литовскими³⁸. Иногда санкция присутствует в весьма своеобразной форме, когда наказание за нарушение приказа подразумевается: «Боже сохрани, если бы до нас дошло известие о том, что кто-либо упрямый или злобный опять начал бы проливать христианскую кровь или убивать бедных людей» (36, перевод с польского). Лишь в одном случае гетман прибегает к архаической форме санкции в виде божьей кары («под неласкою божою»), да и то в сочетании с повелением не нарушать распоряжение: «абы наданю нашом ніхто з войска нашого не важился тому місцу святому найменшой кривди чинити» (407). Лишь в трех случаях упоминается денежный штраф за нарушение воли гетмана в 100 талеров (400, 1000 злотых (307-б.), 1000 к. (370)). Кстати, о денежном штрафе в 1000 талеров содержится упоминание и в единственном известном универсале жены гетмана — Ганны³⁹.

Отметим, что наиболее распространенной была санкция в формах *clauses injonctives* (повеление не нарушать) и *comminatoires* (угрожающей наказанием). В целом нарушение гетманской воли, подрывающее авторитет гетманской власти, трактовалось, да еще в условиях военного времени, как тяжелое преступление. Нарушителю, «яко гвалтовнику листов наших гетманских» (83) грозила суровая кара, включая смертную казнь. Карательные функции по отношению к нарушителям распоряжений гетмана Хмельницкий зачастую возлагал на полковников и прочую старшину. При этом он ссылается на некий собственный документ, который определял меру наказания. Так, в универсале от 12/VI 1648 г. говорилось: «до нас не одсилаючи (нарушителей. — Ю. М.) сурове карали, ведлуг їх заслуги и декрету, от нас войску виданого» (15). В другом универсале (от 30/VII 1648 г.) содержится аналогичное распоряжение: «строго карать на горло» согласно «artykulow o stroju» Войска Запорожского⁴⁰. Об «артикулах войсковых» упоминается также в приказе Хмельницкого от 12/VIII 1650 г. (111).

В целом санкция, как и диспозиция, ярко свидетельствует о классовой сущности внутренней политики гетманской администрации.

Корроборация является одним из наиболее стабильных частей формуляра гетманских универсалов. Она включает под-

письм Хмельницкого, сопроводительную запись и печать. Характеристика последней не входит в задачу настоящего исследования, тем более что по данному вопросу имеется специальное исследование И. П. Крипьякевича, выделившего три типа печатей Хмельницкого⁴¹.

В подавляющем большинстве гетман подписывал универсалы следующим образом: «Богдан Хмельницкий, рукою власною», реже: «Богдан Хмельницкий, гетман, рукою власною». Незначительные отклонения от нормы были указаны И. П. Крипьякевичем⁴². Столь краткой подпись была не случайной, так как полный титул гетмана приводился в интитуляции. Отметим, что подпись такого же рода использовалась и другими гетманами Войска Запорожского, например Г. Лободой⁴³. Правда, значительно чаще они указывали иной титул, который, кстати, Хмельницкий изредка употреблял в письмах к королю Владиславу IV и сенаторам в 1648 г. «старший Войска е. к. м. Запорожского» (4, 5 и некоторые другие). Об этом свидетельствуют обнаруженные нами универсалы и письма Ивана Петрижицкого (от 3/III 1632 г. из Канева), Андрея Гавриловича (от 14/IX 1632 г. из Киева), Гаврила Крутневича (от 9/VI 1603 г. из Киева и от 9/XI 1600 г. из лагеря под Текучей), Самийла Кошки (от 10/VIII 1600 г. из Белобережья), Гр. Лободы (21/I 1596 г. из Овруча).

Иногда обязанности гетмана и «старшего» выполняли разные лица, о чем свидетельствуют 2 письма Яцыны, «атамана кошевого и старшего Войска Запорожского» к «гетману Войска Запорожского» от 9/IV 1628 г.⁴⁴ Были и некоторые иные варианты подписей. Так, О. Голуб на одном из универсалов (от 4/VII 1622 г.) подписался как «гетман Войска е. к. м. Запорожского с товарищи», причем было добавлено имя писаря: «Ларион писарь»⁴⁵. Имя писаря встречаем и на инструкции, данной казацким послам на варшавский сейм Богушу Грыдкевичу, Яцку Савицкому, Григорию Нужному, которая была выработана на всеобщей раде 10/XII 1636 г. в Каневе: «Федор Онушкевич, писарь войсковый» (перевод с польского. — Ю. М.)⁴⁶.

В ряде случаев подписи предшествовала сопроводительная запись. Нами выделены следующие ее формулы:

1) «На счо для певнішое і лепшое віри сес (выделено нами. — Ю. М.) лист даем... с печатю войсковою і подписом руки нашею власною» (222); 2) «А для ліпшое віри при подписе руки і печат войсковую притиснути росказалем» (181); 3) «На што для ліпшое віри при печати войсковою рукою своею подписалисме» (40, 319, 323, 462); 4) сочетание фор-

мул 2 и 3 типов: «А та грамота для лутчей віри печетю нашею войсковою стверждаем и подписью руки нашей» (114).

Такого рода формулы, особенно 1 и 2, были весьма распространенными, причем их употребляли и гетманы Войска Запорожского, и православные иерархи. Так, в универсале И. Петрижицкого от 22/III 1632 г.⁴⁷ была использована формула 1 типа. Можно также указать на акт, данный П. Могиле епископами И. Копинским, И. Борискевичем, Авраамом и другими, об условиях создания Киево-Могилянской коллегии 9/І 1632 г.⁴⁸

Весьма популярными были такие формулы и в канцеляриях королей Польши, князей ВКЛ. Так, дословно совпадает с формулой 2 типа соответствующая часть универсала Владислава IV (1647 г.): *Na co dla lepszej wiary przy podpisie reki naszej pieczec koronne przycisnac rozkazali^{smu}*»⁴⁹. Можно встретить и сходные записи, совпадающие с формулами 1 типа, например у Сигизмунда I: «на што ж мы им и лист наш дали з подписью руки нашої»⁵⁰. Здесь также можно проследить влияние восточнославянских традиций, уходящих корнями во времена Древнерусского государства. Так, судя по 5 сохранившимся грамотам галицкого князя Льва, созданным до 1301 г., в трех из них употреблялись сходные выражения, например: «на то есмо грамоту нашу дали и печать привесли свою». В грамоте князя Дмитрия, участника Куликовской битвы, имеется запись: «А на то есм приложил свою печать» (1366 г.), но наиболее похожей является формула, употребленная в грамоте великого князя литовского Любарта Гедиминовича (1322 г.): «и на то есми дал.. сию грамоту мою..., а для болшое твердости печать нашу завесити росказал есмо»⁵¹. Аналогии можно найти и в русских грамотах XIV—XVI вв., например: «Даниил, митрополит всея Руси выслушал сию духовную грамоту, да ки ней руку свою приложил, да и печать свою велел к ней приложить»⁵².

Отметим, что влияние формуляров грамот ВКЛ сказывалось и в терминологии универсалов, да и других документов Хмельницкого. Так, в некоторых универсалах находим слово «сес» вместо «сей». Это не было опiskой. Слово «сес» сплошь и рядом присутствует в формулах корроборации грамот ряда великих князей литовских и особенно Александра (конец XV — начало XVI в.), например: «и на то есмо дали сес лист з нашою печатью»⁵³.

Датум универсалов Хмельницкого является достаточно унифицированным, как, впрочем, и в подавляющем большинстве восточнославянских документов XIV—XVII вв. В наиболее

полном виде формула датума содержится в универсале к пинской шляхте (462): «Діялося в Чигирині, дня 22 липня, за старим календарем, року божого 1657». Чаще употреблялись более краткие выражения типа: «Дан в Ірклію 1 августа 1650 року» (109). Вместо «дан» часто используются другие слова, как «дат», «писан», реже — «датум». Обычно универсалы датировались по старому календарю. Цифры писались в буквенном выражении. Характерной чертой универсалов было то, что датум предшествовал подписи, а не наоборот. Как показало изучение нами новонайденных списков документов Б. Хмельницкого, они довольно часто содержат разночтения в датировке документов.

Апрекация отсутствует во всех универсалах, что, кстати, типично и для грамот Русского государства, где она встречается лишь в исключительных случаях⁵⁴. Не следует принимать за апрекацию «пост скрипtum», который встречается в двух универсалах Хмельницкого (190, 269) и является к тому же весьма подозрительным в смысле подлинности, о чем будет еще сказано.

Таким образом, несмотря на нестабильность и изменчивость отдельных формул универсалов Хмельницкого, что отчасти объясняется разнообразием круга вопросов, на которые они откликались, а также отсутствием прочных и непрерывных канцелярских традиций в складывающемся аппарате гетманской власти, универсалам Хмельницкого присущи четкие и вполне определенные черты. Их формуляр складывался под влиянием канцелярских традиций украинских и белорусских земель XIV—XVII вв., уходящих корнями в период существования единого Древнерусского государства — колыбели трех братских народов: русского, украинского и белорусского. Этим объясняется также сходство отдельных формул универсалов и формулами грамот Русского государства XIV—XVII вв. Канцелярские традиции Древней Руси, восточнославянских народов более позднего времени оказали значительное влияние на делопроизводство Великого княжества Литовского, где в XIV—XVI вв. господствовал, как известно, украинский, белорусский, а на восточных землях ВКЛ — и русский язык. В свою очередь литовская великокняжеская канцелярия, испытывавшая также влияние канцелярских традиций феодальной Польши, оказывала воздействие на нормы местного делопроизводства, в том числе и Запорожской Сечи.

Формуляр гетманских универсалов складывался в определенной степени и под непосредственным влиянием польской коронной канцелярии, что требует особого пояснения. Дело в

том, что украинские земли на протяжении длительного времени находились под гнетом феодальной Польши, затем — магнатско-шляхетской Речи Посполитой, и это не могло не наложить своего отпечатка на все сферы общественной жизни Украины, в том числе и на ее делопроизводительную практику. Украинская шляхта, казацкая старшина, православное духовенство, зажиточное мещанство постоянно имели дело с документами, изданными представителями правящих кругов Речи Посполитой, и в своем делопроизводстве вынуждены были учитывать нормы коронной канцелярии. Сам Хмельницкий, будучи в 30-е гг. XVII в. генеральным писарем Войска Запорожского, по долгу службы должен был хорошо знать канцелярскую практику Речи Посполитой и надлежащим образом вести с ее властями переписку.

В заключение необходимо отметить, что формуляр документов Хмельницкого оказал сильнейшее воздействие на гетманские документы второй половины XVII—первой половины XVIII в. Особенно это ощущается при изучении формуляров документов казацкой старшины (гетманы, полковники и др.), принимавшей непосредственное участие в Освободительной войне. Известны случаи, когда представители гетманской администрации, подтверждая универсалы Б. Хмельницкого, попросту переписывали их, незначительно дополняя. Так, П. Тетеря, будучи некоторое время гетманом Правобережной Украины, дословно перенес в свой универсал от 18/XII 1660 г. содержание соответствующего документа Б. Хмельницкого, выданного О. Стаматенко (245).

Определение характерных черт гетманских универсалов имеет большое значение. В частности, оно позволяет более точно классифицировать гетманские документы, дает надежные критерии при выявлении фальсификатов и, наоборот, при «реабилитации» актов, подлинность которых без должных оснований была взята под сомнение. Так, в «ДБХ» к числу универсалов отнесен документ, подтверждающий привилей полковника И. Золотаренко, согласно которому нежинскому монастырю разрешалось построить «млин» (297). Этот документ состоит из интитуляции, наррации, диспозиции и неполной corroborации (лишь одна подпись). Необычный формуляр объясняется тем, что данный акт сосуществовал с привилеем И. Золотаренка. Следовательно, его нельзя назвать универсалом, но лишь подтвердительной записью. Еще об одной записи такого рода речь шла, когда говорилось о подтверждении Хмельницким универсала И. Петрижицкого, данного Брагскому монастырю.

Нестандартный формуляр имеет и универсал, в котором содержалось приказание Войску Запорожскому готовиться к войне против Речи Посполитой (№ 226 от 17/1 1654 г.) Здесь можно выделить лишь инскрипцию, салютацию, промульгацию диспозицию и повторную салютацию. Ряд существенных компонентов абстрактного формуляра универсала отсутствует, зато имеется салютация, характерная лишь для писем гетмана, да еще и повторная. Сомнительной является формула инскрипции «вся атамания как Войска Запорожского, так и городского». Необычно именование «его милостью» царя Алексея Михайловича, употребление выражения «король-лях» по отношению к Яну Казимиру. К сожалению, этот документ сохранился в довольно несовершенной копии, да еще и в переводе на польский язык, но тем не менее весьма нестандартный формуляр данного акта дает основание усомниться в достоверности последнего.

Приказы

Этим термином обозначаются документы, изданные гетманом или представителями его администрации и содержащие в себе распоряжения по вопросам военного или административно-хозяйственного характера. Подробную характеристику формуляра приказов вряд ли целесообразно приводить, так как он во многом повторяет формуляр универсала. Не случайно сам гетман не проводил четкого различия между универсалами и приказами. Часто он обозначал их одним словом «писане», называл типичный приказ универсалом (100) или «листом универсальным» (111). Особенно легко спутать приказы с универсалами, имеющими формулу инскрипции 3 типа («Паном полковникам...»). Приказы создавались по заготовленным шаблонам канцеляристами, писарями и т. д. (см. 100), но всегда подписывались Хмельницким.

Вместе с тем приказы имеют свою специфику и это нашло отражение в их формуляре. Прежде всего это касается инскрипции. В подавляющем большинстве случаев она начинается с прямого обращения, например: «Пане полковнику уманский!» (119), иногда без лишних церемоний: «Ярмоло!» (387). Кстати, данная особенность инскрипции имеет достаточно длительную традицию. Еще Сагайдачный обращал свой приказ, в котором казакам запрещалось чинить обиды киевскому Никольскому монастырю (29/V 1619 г.), к «Хомі Стасенку, Богдану и Оношкови...». Таким образом, приказ формально обращался к более узкой группе лиц, нежели универсал, а чаще всего — к конкретному лицу.

Формуляр приказов выказывает большее разнообразие формул и порядка их следования. Так, в приказах чаще присутствует салютация, в том числе и повторная, например: «при том господу богу вас поручаем» (283). В одном из приказов после интитуляции следует диспозиция, лишь после нее — инскрипция, далее — наррация, санкция, повторная диспозиция, датум, корроборация. Кроме того, приказы являются в целом более краткими, нежели универсалы.

В результате, проанализировав формуляр и содержание универсалов и приказов Хмельницкого, мы склонны разграничить их несколько иначе, чем это сделано в «ДБХ» И. П. Крипьякевичем и И. Л. Бутичем. Более целесообразным представляется отнести к числу универсалов документы за номерами 109, 156, 176, и, наоборот, отнести к числу приказов документы за номерами 38, 84, 89. Таким образом, в настоящее время известно 19 приказов, 17 из которых было создано в годы Освободительной войны. Все они были опубликованы на страницах «ДБХ». В дальнейшем при анализе содержания приказов мы будем их рассматривать наряду с универсалами.

§ 2. АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ УНИВЕРСАЛОВ И ПРИКАЗОВ

Рассматриваемые документы Б. Хмельницкого по своему содержанию разделяются на три основные группы:

I. Акты военно-административного характера.

II. Акты, относящиеся к положению городов, торгово-ремесленного населения.

III. Акты, утверждающие систему внеэкономического принуждения непосредственного производителя⁵⁵.

I. Акты военно-административного характера

Сложная система управления многотысячной повстанческой армией, необходимость решать многочисленные административные дела должны были породить массу канцелярских документов, в том числе и гетманских универсалов и приказов. К сожалению, они сохранились в незначительном количестве. Характерно, что военные вопросы поднимались в основном в приказах, например в № 100, 111, 142, 422. Добавим, что во всех 10 приказах без исключения, о которых содержатся упоминания в списке несохранившихся документов Б. Хмельницкого («ДБХ», с. 653—663), также поднимались аналогичные вопросы.

Особый интерес привлекают к себе «заявные универсалы» Хмельницкого. Они представляют собой прокламации, при-

зывавшие народные массы к восстанию против поработителей. Следует сразу оговориться, что иногда под рубрикой «ззывных универсалов» («ззывных листов») помещают обычные приказы гетмана, в которых говорится о необходимости каким-либо частям крестьянско-казацкой армии готовиться к военным действиям, запастись провиант и т. д. Подлинные же «ззывные универсалы» дошли до нашего времени в ничтожном количестве, поскольку каратели уничтожали их особенно рьяно. В «ДБХ» помещено 6 документов, такого рода, причем все они отнесены к числу сомнительных или фальсификатов (прил. 1, 3, 4, 19, 20, 23). Два из них (прил. 3, 4) заслуживают особого рассмотрения, поскольку, на наш взгляд, они являются вполне достоверными. Это «универсал к польским крестьянам» (не позднее июня 1651 г.) и универсал от 2/IV 1652 г., призывающий к войне против Речи Посполитой.

Наши доказательства подлинности упомянутых универсалов сводятся к следующим положениям:

1. Эти документы сохранились в копиях, из-за чего текст дошел в несколько искаженном виде: отсутствует заключительный протокол в универсале к польским крестьянам, встречаются описки.

2. Следует учесть, что «ззывные универсалы» предназначались для широчайшего круга читателей, выходили, если можно так выразиться, массовым тиражом. Они размножались в полках, сотнях повстанческой армии, тайно переписывались на территории, контролируемой Речью Посполитой. Все это порождало некоторое расхождение с текстом оригинала, тем более что Хмельницкий не мог лично завизировать издаваемые вдалеке от его Ставки документы.

3. Документы, помещенные в «ДБХ» (прил. 3, 4), были перепечатаны без сверки с оригиналом из публикации польского дворянского историка середины XIX в. А. Грабовского⁵⁶. Ее археографический уровень оставляет желать лучшего. Нам удалось непосредственно ознакомиться с рукописным сборником королевского секретаря И. Пиноцци, созданным не позже начала 70-х гг. XVII в., часть документов которого была издана А. Грабовским. Оказалось, что, издавая универсал Хмельницкого от 2/IV 1652 г., польский археограф допустил некоторые существенные погрешности. Был, в частности, полностью опущен характерный заголовок универсала следующего содержания: «Универсал Хмельницкого к казакам, посполству и к полякам, сочувствующим русинам». А. Грабовский опустил также важнейшую приписку, сделанную владельцем и составителем рукописи И. Пиноцци: «Это (универсал. — Ю. М.)

при­с­ла­л е. м. па­н ге­т­ман пол­ный ко­рон­ный (М. Ка­ли­нов­ский. — Ю. М.), на­пи­сав­ши пи­сь­мо к е. к. м., в ко­то­ром про­сил, что­бы как мож­но бы­ст­рее был соз­ван сейм и на нем ре­шил­ся во­прос об обо­ро­не Ре­чи Пос­по­ли­той»⁵⁷. Сле­до­ва­тель­но, М. Ка­ли­нов­ский, ко­то­рый был пре­крас­но озна­ко­млен с «за­зыв­ны­ми уни­вер­са­ла­ми», сче­л этот до­ку­мент, из­дан­ный спу­стя все­го пол­го­да по­сле за­к­лю­че­ния Бе­ло­цер­ков­ско­го ми­ра, аб­со­лю­тно до­сто­вер­ным пред­зна­ме­но­ва­ни­ем вой­ны и по­спе­шил при­звать ко­ро­ля к при­ня­тию не­об­хо­ди­мых ме­р пре­дос­то­ро­ж­но­сти.

4. Со­дер­жа­ние «за­зыв­ных уни­вер­са­лов» во мно­гом ана­ло­гич­но до­ку­мен­там, соз­дан­ным в пе­ри­од кре­стьян­ско-ка­зац­ких вос­ста­ний пер­вой по­ло­ви­ны XVII в. на Ук­ра­ине, кре­стьян­ских войн в Рос­сии XVII—XVIII вв. и ча­сто на­зы­вае­мым «пре­лес­т­ны­ми пи­сь­ма­ми». По­след­ний гер­мин яв­ля­ет­ся не­вер­ным, по­сколь­ку «от­ра­жа­ет офи­ци­оз­ную пра­ви­тель­ствен­ную их оцен­ку», как от­ме­тил из­вест­ный со­вет­ский ис­то­рик В. И. Бу­га­нов, пред­ло­жив­ший на­звать эти до­ку­мен­ты про­кла­ма­ци­я­ми⁵⁸.

О­со­бен­но сход­ны по со­дер­жа­нию про­кла­ма­ции Б. Хмель­ни­ц­ко­го и С. Т. Ра­зи­на, в ко­то­рых наи­бо­лее ча­сто раз­ви­ва­ют­ся сле­ду­ю­щие мо­ти­вы: 1) опи­са­ние ре­жи­ма тя­же­ло­го гне­та, ус­та­нов­лен­но­го экс­плу­а­та­то­ра­ми, ещ­е бо­лее не­вы­но­си­мо­го, чем «бу­сур­ман­ская» не­во­ля; 2) из­ве­ст­ие о на­ча­в­шей­ся бор­ь­бе про­тив уг­не­те­ния; 3) при­з­ыв под­ни­мать вос­ста­ние про­тив гос­под, вли­вать­ся в ря­ды пов­стан­че­ской ар­мии; 4) обе­ща­ние в слу­чае по­бе­ды уни­что­жить пол­но­стью или зна­чи­тель­но осла­бить по­вин­но­сти, вос­ста­но­вить бы­лые во­ль­но­сти и т. д.⁵⁹ Сход­ство по со­дер­жа­нию, а ча­стич­но и по фор­ме про­кла­ма­ций Б. Хмель­ни­ц­ко­го и С. Т. Ра­зи­на об­яс­ня­ет­ся не толь­ко ви­до­вой то­ждес­твен­но­стью до­ку­мен­тов и при­мер­но оди­на­ко­вым уровнем со­ци­аль­но-эко­но­ми­че­ско­го раз­ви­тия Рос­сии и Ук­ра­ины XVII в., но и свя­зя­ми ме­жду учас­тни­ка­ми кре­стьян­ских войн в Рос­сии и ан­ти­фео­дал­ных, ос­во­бо­ди­тель­ных вос­ста­ний на Ук­ра­ине, в том чис­ле и Ос­во­бо­ди­тель­ной вой­ны. Не слу­чай­но в ин­ти­ту­ля­ции трех из се­ми из­вест­ных на се­го­дняш­ний день про­кла­ма­ций С. Т. Ра­зи­на на­ря­ду с Войс­ком Дон­ским упо­ми­на­лось и Войс­ко За­по­ро­ж­ское⁶⁰. Вы­ше­при­ве­ден­ные ар­гу­мен­ты по­зво­ля­ют сде­лать вы­вод об ау­тен­тич­но­сти двух уни­вер­са­лов, по­мещен­ных в при­ло­же­нии к «ДБХ» (3, 4).

Ко­снем­ся те­перь во­про­са об упо­ми­на­ни­ях в раз­лич­ных ис­точ­ни­ках не­со­хра­ни­в­ших­ся про­кла­ма­ций Б. Хмель­ни­ц­ко­го. От­ме­тим, что со­вет­ские ис­сле­до­ва­те­ли ис­то­рии кре­стьян­ских войн в Рос­сии XVII—XVIII вв. ак­тив­но ис­поль­зуют дан­ные

свидетельства, предпринимают успешные попытки реконструкции несохранившихся текстов указов и манифестов С. Т. Разина и Е. И. Пугачева, активно используют их свидетельства⁶¹. Что касается прокламаций Хмельницкого, то их изучение еще не достигло такого уровня, попытки реконструкции их текстов предпринимались лишь в 20-е годы. В целом ощущается излишне подозрительное отношение исследователей к упоминаниям о прокламациях гетмана, встречающихся в самых различных источниках. Результаты же проведенной нами предварительной работы по изучению такого рода упоминаний позволяют сделать вывод о весьма широком распространении прокламаций периода Освободительной войны. Они имели хождение не только на Украине, но и в Белоруссии и даже в самой Польше. Прокламации направлялись не только «всем вообще», но и относительно узким группам лиц, например наемникам на польской службе, осажденным под Збаражем, с предложением перейти на сторону повстанцев; жителям г. Немирова с просьбой о помощи и т. д.

В заключение можно сделать вывод о том, что «заявные универсалы» являются уникальными источниками особой важности, которые весьма полно освещают характер, движущие силы и программу повстанцев; их связи с участниками крестьянских войн, восстаний, антифеодальных выступлений в России, Белоруссии, Польше проливают свет на некоторые особенности идеологической борьбы в период Освободительной войны украинского народа.

Среди универсалов и приказов Б. Хмельницкого, содержащих распоряжение по сугубо административным вопросам, например № 119, 209, выделяется особая подгруппа так называемых «**проезжих универсалов**» (глейтов). Эти документы предоставляли право въезда на освобожденные украинские земли и выезда из них, а также свободного пропуска главным образом повстанческим дипломатам и иностранным подданным. По своему характеру проезжие универсалы соответствуют «опасным» и «выезжим» грамотам Русского государства XIV—XVII вв. Глейт утрачивал свою силу после завершения дипломатической, торговой или какой-либо иной миссии его владельца и поэтому сохранять его особого смысла не было. Главным образом по этой причине от некогда многочисленных проезжих универсалов до нашего времени дошло лишь два: польскому послу Я. Пясочинскому (358) и известным сербскоболгарским дипломатам Австрии П. Парчичу и Кр. Мариановичу (441). Источники сохранили упоминания о выдаче гетманских глейтов дипломатам различных го-

сударств, в первую очередь Р. Стрешневу, А. Вимине, А. Киселю, Н. Зацвилюховскому; посланцам Фердинанда III Габсбурга, И. Радзеевского, представителям осажденного Львова и другим, в том числе и повстанческим дипломатам, например Г. Яцкевичу.

Глейты могли выдаваться не только гетманом, но и полковниками, представителями генеральной старшины. Так, в советских изданиях документов по истории Освободительной войны находим глейты, выданные винницким полковником И. Богуном Кр. Криницкому (20/I 1651 г.), наказным черниговским полковником Стефаном Окшей Л. Москалю (28/IV 1651 г.), нежинским полковником И. Золотаренко украинским купцам, едущим на ярмарку в русский город Брянск и др.⁶² О широкой распространенности глейтов свидетельствует и формулярник С. Галуговского. Несомненно, его автору часто приходилось писать такого рода документы, если он так тщательно скопировал шаблон проезжего универсала, выдававшегося полковниками купцам, направлявшимся для торговли в Россию. Этот документ, как и многие другие глейты, является ярким свидетельством оживленных русско-украинских торговых связей в годы Освободительной войны. Проезжие универсалы позволяют также несколько расширить наши представления о дипломатической деятельности гетманской администрации.

II. Акты, относящиеся к положению городов, торгово-ремесленного населения

Особенностью исторического развития Украины XVI — XVII вв. было наличие городского самоуправления на основе так называемого магдебургского права. Отсюда ряд своеобразных по содержанию привилегий и универсалов. Гетман подтверждал самоуправление городов (83), цехов (419), решал вопросы, связанные с делами последних (190, 411), в ряде случаев оберегал мещан от конкуренции со стороны монастырей, казацкой старшины. Свидетельством этого являются универсалы, уменьшавшие нормы выработки меда киевскими монастырями с 10—15 «кадей» до 2, причем и те полагалось сытить лишь в «бровари містком ратушном» (305, 322); запрещающие всем, кроме мещан, производить и продавать водку (229). Характерно, что Б. Хмельницкий издавал в пользу городов Киева, Слуцка оборонные универсалы (110, 178, 205, 344, 350), а в пользу Козельца издал универсал, напоминающий обельную грамоту (412). Естественно, сохранились далеко не все документы данной подгруппы, о чем сви-

детельствуют, например, упоминания о несохранившихся универсалах, выданных Б. Хмельницким г. Киеву⁵³.

В «таможенных универсалах» устанавливался порядок таможенного управления, указывались предметы обложения, виды и размеры торговых пошлин, порядок их сбора в казну. Документы Б. Хмельницкого, относящиеся к этой подгруппе, соответствуют русским таможенным грамотам. Наиболее ярким и важным из документов данной подгруппы является универсал, выданный О. Стаматиенко, которым учреждалась централизованная таможенная служба на освобожденной территории, создавалась система жесткого финансового контроля над деятельностью иностранных купцов (245). Особенно важной является та часть документа, где был помещен своеобразный прейскурант с указанием товаров и величины пошлины, взимаемой за их провоз.

Иную категорию документов данной группы представляют собой «безмытные универсалы» («безмытные листы»), которые издавались на право беспошлинной торговли. Сохранилось лишь три универсала такого рода (72, 438, 452). Однако их, бесспорно, было намного больше, о чем, например, свидетельствует нарративная часть вышеупомянутого универсала, данного О. Стаматиенко.

В заключение отметим, что все эти гетманские универсалы и приказы являются немаловажным источником, проливающим свет на некоторые аспекты социальной политики Б. Хмельницкого и его администрации.

III. Акты, утверждающие систему внеэкономического принуждения непосредственного производителя

Наибольшее число сохранившихся универсалов и приказов Хмельницкого относится как раз к этой группе, которая подразделяется на несколько подгрупп.

1. **Привилеи*** фиксировали права феодалов (украинской православной церкви, шляхты, принимавшей участие в Освободительной войне на стороне повстанцев, казацкой старшины) на землю и прочую недвижимость, чаще всего мельницы. Документы этой подгруппы, соответствующие такой разновидности русских жалованных грамот, как вотчинные, составляют большинство: 37 универсалов и 1 приказ. При передаче феодалам маестностей, за исключением, пожалуй, «пустых шля-

* Термин «привилей» здесь и далее употребляется в узком смысле. Им мы обозначаем лишь документы данной подгруппы.

цов» (410), само собой разумеется, что вместе с ними в «послушенство» переходят и проживающие там крестьяне, а иногда и мещане (222, 307). Тем не менее примерно треть упомянутых документов содержит дополнительное распоряжение крестьянам выполнять «послушенство» в пользу землевладельца. Характерно, что во многих случаях Хмельницкий подтверждал грамоты и привилегии, выданные в свое время королями, отдельными представителями правящих кругов Речи Посполитой, реже — гетманами Войска Запорожского, а также иные документы. В число последних входят предшествующие универсалы самого Хмельницкого (282), полковников И. Золотаренко, П. Яненко (291, 297, 410), купчие (319, 323, 383, 403, 428, 460), вкладные (141). Ссылки на подтверждаемые документы не всегда включались в наращения универсалов и приказов Б. Хмельницкого. Об этом свидетельствует, например, универсал наказного киевского полковника В. Дворецкого от 12(2)/VII 1657 г., в котором разрешался конфликт из-за маестности — местечка Вигуровщины между киевским Золотоверхим монастырем, Воскресенской церковью и «служилым человеком» Биримовичем. Ссылаясь на универсал Хмельницкого (250), согласно которому Вигуровщина жаловалась Золотоверхому монастырю, В. Дворецкий указывал, что основанием для этого гетманского решения послужила вкладная грамота некоего Вигуры — владельца местечка: «Вигуры, который Вигуровщину осаждал и держал, по смерти своей положен в том же монастыре Михайловском (Золотоверхом. — Ю. М.) и з иных причин...»⁶⁴.

Достоверность ссылок гетмана в нарративной части привилегий на подтверждаемые документы далеко не всегда удастся проверить. Там же, где это представляется возможным, как, например, ссылки на грамоты, полученные Густыньским монастырем в первой половине XVII в., там обнаруживается точность гетманских свидетельств. Можно указать также на решение гетманского суда по делу шляхтича И. Пекулицкого, подтвержденное затем Хмельницким (13/III 1649 г. (89)⁶⁵, и некоторые иные примеры. Вместе с тем необходимо иметь в виду стремление феодалов расширить свои права и владения, не останавливаясь перед фальсификацией актов. Так, вызывает серьезное сомнение подлинность двух приписок к универсалу на с. Хмилов (307-б). Одна из них продлевает действие универсала и на период после смерти Б. Хмельницкого, вторая содержит запрещение брать из Хмилова подводы. Во-первых, приписки внесены двумя почерками, отличными от того, каким был написан сам универсал. Трудно представить,

что один небольшой документ создавали сразу три писца. Вторых, Б. Хмельницкий издал два варианта универсала на Хмилев (А от 3/V 1655 г., Б от 8/V 1655 г.). Маловероятно, чтобы гетман, переиздавая универсал спустя неделю после обнаружения его первого варианта, не внес бы необходимые дополнения. Отметим, кстати, что такого рода «пост скрипtum» имеется лишь еще в одном универсале Хмельницкого, и в этом случае он также является сомнительным. В диспозиции универсала от 7/X 1652 г. (190) гетман утвердил цехмистром музыкантов Левобережной Украины Гр. Ильяшенко. В приписке же речь идет уже о цимбалисте Гр. Макущенко. Вероятно, после смерти Ильяшенко или по причине его ухода с этого поста цехмистром стал Макущенко, и в универсал была внесена приписка. К сожалению, данный универсал сохранился в копии, и провести сравнение почерков невозможно. Во всяком случае, информация, содержащаяся в нарративной и диспозиционной частях универсалов Хмельницкого, также требует критического использования.

2. Имунитетные универсалы и приказы Б. Хмельницкого подтверждали феодалам права и привилегии, обеспечившие им прямую власть над крестьянами. Отметим, что аналогий тарханым и льготным грамотам, весьма распространенным в канцелярской практике Русского государства, в документах Хмельницкого нет. В то же время имеется универсал, аналогичный обельной грамоте. Согласно этому документу П. Тетеря освобождался от уплаты второстепенного налога, а именно: от «браня арендарских мірок» на одной из его мельниц (374). Весьма характерную для документов Хмельницкого категорию составляют **«оборонные универсалы»** (всего 20 универсалов и 4 приказа), некоторыми своими особенностями и формулами напоминающие русские заповедные грамоты. Согласно «оборонным универсалам» феодал обычно не получал каких-либо новых приращений имущества или привилегий, но в них подчеркивалась неприкосновенность уже имеющихся. Типичным примером является универсал Е. Жеребилу, которому был дан «тот наш оборони универсал», чтобы «товариство» не чинило ему «докуки» и «турбації» в его хуторе и на мельнице (249). Отметим, что в некоторых случаях «оборонные универсалы» выдавались некоторым высокопоставленным представителям правящих кругов Речи Посполитой, например: Д. Заславскому-Острожскому, Б. Радзивиллу и др. (18, 440 и некоторые другие). Как показал В.С. Степанков⁶⁶, эта сложная и противоречивая линия политики гетмана была вызвана его тактическими сооб-

ражениями и, надо сказать, принесла определенные плоды. В результате углублялся раскол между «умеренными» представителями правящих кругов Речи Посполитой (Е. Оссолинский, Д. Заславский) и, если можно так выразиться, «ястребами» (Я. Вишневецкий), усиливались позиции той части литовских феодалов, которые стремились разорвать Люблинскую унию. Такой курс повлиял на то, что в 1648—1650 гг. литовские войска не вели военных действий на Украине совместно с коронными, хотя этого добивались польские магнаты и шляхта; что в 1655—1657 гг. против Яна Казимира выступили князья Януш и Богуслав Радзивииллы вместе со своими многочисленными сторонниками, и это объективно способствовало ослаблению позиций магнатско-шляхетской Речи Посполитой на Украине и в Белоруссии.

Следует отметить, что в целом «оборонные универсалы» формально направлялись против возможных злоупотреблений гетманской администрации, вторгавшихся во владения феодала без соответствующего разрешения, пресекали конфликты из-за маестностей между отдельными представителями высшего и среднего духовенства, шляхты, казачьей старшины, но главная их задача заключалась в сохранении феодальной собственности от антифеодальных выступлений трудящихся масс. Относительно большое число «оборонных универсалов», повторное и даже троекратное издание некоторых из них (228, 270, 285) является убедительным свидетельством размаха антифеодальной борьбы на Украине, направленной не только против польской шляхты и магнатов, но и против набирающих силу украинских православных феодалов, находившихся в повстанческом лагере или поддерживающих его; наглядно свидетельствует и о том, что многие суровые распоряжения гетманской администрации, направляемые на укрепление феодальных порядков, оставались на бумаге или же реализовались частично.

3. «Универсалы о послушенстве» содержали приказание крестьянам, а иногда и мещанам (56, 250, 360) выполнять повинности, обычно называемые «послушенством», на своего господина. Эта категория документов Б. Хмельницкого имеет общие черты с одноименными «послушными» грамотами в России (разновидность жалованных грамот). Всего известно 16 документов такого рода (12 универсалов и 4 приказа). Обычно гетман требовал от крестьян «звыклого послушенства» (т. е. обычного), лишь в двух случаях конкретизируя свое распоряжение. В первом из них он добивался от казаков, осевших на землях киевского Никольского монастыря, давать последне-

му «десятину... всего збожа, также покотелщину и очковое» (176), в другом — от крестьян сел Луки и Хитцы требовал выполнять «роботизну», т. е. барщину в пользу Лубенского Мгарского монастыря (384).

Как показал И. П. Крипьякевич, отсутствие указаний, конкретизирующих «послушенство», не было случайным, так как прямые выступления крестьян, открытая их враждебность к восстановлению феодальных порядков не давали возможности прямо заставлять крестьян выполнять барщинные работы⁶⁷. В некоторых универсалах и приказах Б. Хмельницкий запрещал зависимым крестьянам изменять свой социальный статус путем перехода в казачество и даже требовал возвращения бывших подданных в прежнее состояние (39). В некоторых случаях гетман не только требовал «послушенства», но и силой оружия приказывал подавлять антифеодальные выступления трудящихся (16, 51, 118). Правда, иногда Хмельницкий, делал это вынужденно, стремясь сохранить в силе подписанные мирные соглашения.

4. Особую подгруппу гетманских документов составляют немногочисленные универсалы и приказы, согласно которым феодалам предоставлялось право на производство промыслов и торговли. Так, некоторым монастырям разрешалось ловить рыбу в Днепре (52), сытить мед (322, 348), заниматься перевозом через Днепр (113).

5. **Комбинированные универсалы.** Для этой категории характерно сочетание признаков, свойственных гетманским документам различных подгрупп и даже групп. Так, в одном из приказов (164) Хмельницкий отдал распоряжение полковнику С. Пободайлу вывести в соответствии с условиями Белоцерковского мира казаков из Черниговского воеводства и здесь же упоминает о необходимости подданным отдавать «панам вшелякую повинность». В другом универсале (40), данном шляхтичу С. Снетинскому, Хмельницкий приказывал: 1) возвратить Снетинскому недвижимое и движимое имущество; 2) запрещалось чинить ему «попасы, ночлеги, мимоходы» и др.; 3) обеспечивал ему свободный проезд. Следовательно, в одном универсале сочетались черты и формулы, свойственные привилеям, «оборонным» и «проезжим» универсалам.

Таким образом, вся эта группа документов является ценным источником по истории социально-экономической политики гетманской администрации, антифеодальной борьбы трудящихся, и не случайно в таком качестве они прежде всего используются советскими историками. Эти документы убедительно опровергают буржуазно-националистическую «теорию» о

«бесклассовости» украинского народа. Они наглядно показывают, что государственный аппарат, созданный при активнейшем участии Хмельницкого, был орудием классового господства казацкой старшины, православной шляхты и церковных православных феодалов, в пользу которых издавались такого рода универсалы, особенно в 1654—1657 гг. В то же время нужно учитывать, что Хмельницкий принадлежал к той группе повстанческой верхушки, которая понимала, что немедленная реставрация феодальных порядков невозможна, что без поддержки крестьян нельзя было освободиться от гнета Речи Посполитой, и поэтому ее представители «сумели, пусть временно и до определенного предела, подчинить свои узкоклассовые интересы общенародным — освободить Украину от господства польских феодалов»⁶⁸. Вот почему, несмотря на противоречивость внутренней политики Хмельницкого, он сумел остаться предводителем Освободительной войны, ликвидировавшей господство магнатско-шляхетской Речи Посполитой на значительной части Украины, серьезно ослабившей феодальные порядки на всей ее территории. При использовании документов данной группы следует учитывать их репрезентативность, о чем речь пойдет ниже, сопоставлять их со свидетельствами иных источников. Так, И. П. Крипьякевич доказал, что норма феодальной эксплуатации крестьян на территории, контролируемой гетманской администрацией, была ниже, чем норма периода польско-шляхетского господства. Кроме того, многие из распоряжений гетмана относительно «послушества» откладывались на более позднее время, а затем повисали в воздухе или же принимались в значительно урезанном виде вследствие открытой враждебности крестьян к восстановлению феодальных порядков.

Глава 2

МАТЕРИАЛЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

§ 1. «МАРТОВСКИЕ СТАТЬИ»

Исторические решения Переяславской рады (18/I 1654 г.) о воссоединении Украины с Россией были закреплены в так называемых «Мартовских статьях» — совокупности документов, оформленных вследствие переговоров украинского посольства с представителями русского правительства в Москве (23(13)/III — 6/IV (27/III) 1654 г.). Оригинал «Мартовских

статей», к сожалению, не обнаружен по сей день. Еще Петр I хотел с ним ознакомиться, но поиски в архивохранилищах, проведенные по его приказу, оказались безуспешными. Тем не менее основное содержание «Мартовских статей» можно восстановить, опираясь на сохранившиеся черновики и редакции, созданные в ходе переговоров:

1. «20 статей» — запись приказными дьяками устных предложений послов Б. Хмельницкого (23/III 1654 г.).

2. «23 статьи» — челобитная от имени гетмана и Войска Запорожского, поданная 24/III 1654 г. (233).

3. «11 статей» — сокращенная редакция «23 статей», представленная русскому правительству 31/III 1654 г.¹

Следует отметить, что существует также документ под условным названием «14 статей» («Переяславские статьи»). Он был создан в ходе переговоров между представителем царского правительства князем А. Н. Трубецким и гетманом Юрием Хмельницким в Переяславе (27/X 1659 г.). Эти «14 статей» выдавались за подлинник «Мартовских статей», хотя не имеют к нему прямого отношения.

Большинство статей, поданных 24/III 1654 г., было принято. Остальные статьи после обсуждения были подтверждены с некоторыми изменениями царскими грамотами. О круге вопросов, рассмотренных и утвержденных в ходе переговоров, дают представление «11 статей»: 1) о сборе податей; 2) о жаловании для старшины; 3) о передаче старшине мельниц; 4) о жаловании для пушкарей; 5) о дипломатических отношениях; 6) о подтверждении маестностей киевского митрополита; 7, 8) о посылке русских войск к Смоленску и на польскую границу; 9) о жаловании Войску Запорожскому; 10) о царском указе для донских казаков, чтобы те не нарушали мир с Крымом; 11) о помощи казакам, несущим службу в Кодаке и на Запорожье².

Все три документа, содержащие запись различных «статей», представляют собой единый комплекс вместе с царскими жалованными грамотами и некоторыми другими документами. Это — письма Б. Хмельницкого к царю с просьбой подтвердить статьи, представленные послами, а также права и привилегии киевских и переяславских мещан (232, 234, 235, 239); челобитные самих мещан³; жалованные грамоты Алексея Михайловича. Среди последних выделим две грамоты от 6/IV 1654 г. и одну от 22/IV 1654 г.⁴, причем именно здесь устанавливалась численность Войска Запорожского в 60 тыс. человек, подтверждалось право гетмана сноситься с иностранными государствами с ведома русского правительства и т. д.

Кроме того, к комплексу документов, составляющих «Мартовские статьи», следует причислить грамоты Алексея Михайловича, подтверждающие позитивный ответ на челобитные мещан (от 6/IV 1654 г.)⁵, право Хмельницкого на г. Гадяч и Гадяцкую волость (от 6/IV 1654 г.)⁶, королевские привилегии на Чигирин⁷ и некоторые др. Как сочетались «статьи» с жалованными грамотами, позволяет понять, в частности, следующий пример. В статье 6-й «11 статей» говорилось «о митрополите киевском: «посланники были челом, чтоб царское величество велел дать на его маетности свою ...жаловальную грамоту. Царское величество пожаловал: митрополиту и всем духовного чину людей на местности их, которыми они ныне владеют свою государственную жаловальную грамоту дать велел»⁸. В апреле — июне 1654 г. в Москву стали направляться представители монастырей с челобитными, причем наиболее важные из них подкреплялись соответствующим письмом Б. Хмельницкого к царю (244, 252, 253, 255—258). На эти челобитные, как правило, следовали положительные решения царя.

Следует сказать, что «Мартовские статьи» были весьма обстоятельно изучены советскими историками, среди которых следует выделить Н. Н. Петровского, И. П. Крипьякевича, Ф. П. Шевченко, В. А. Голобуцкого, Н. Ф. Кучернюка⁹. Это позволяет нам ограничиться весьма краткой характеристикой «Мартовских статей». Отметим лишь, что они по своему характеру представляют собой договор и это верно подметил советский исследователь К. Осипов: «то обстоятельство, что договор был облечен в форму указа и был осуществлен после присяги верности царю, говорит лишь о специфической форме, но не определяет существа дела»¹⁰. Эту же точку зрения высказал А. К. Касименко, определив «Мартовские статьи» как «договорные условия»¹¹.

В заключение следует отметить, что «Мартовские статьи», определяющие государственно-правовое положение Украины в составе России, носят ярко выраженный классовый характер, о чем свидетельствует получение значительных привилегий гетманом, старшиной, шляхтой. Вместе с тем этот документ был прогрессивным, так как Украина, которая ранее была «бесправной колонией Речи Посполитой, в рамках Русского государства получала автономию»¹², «была спасена от порабощения шляхетской Польшей и поглощения султанской Турцией»¹³.

§ 2. ЗБОРОВСКИЙ, БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ И ДРУГИЕ МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ

Большое значение в истории Освободительной войны имели мирные договоры, заключенные руководителями повстанцев с Речью Посполитой в 1649 и 1651 гг. Тем не менее их тексты не были включены в «ДБХ», что является принципиально неверным. И Зборовский, и Белоцерковский договоры являлись продуктом дипломатической деятельности обеих сторон, а не одной, как стремилась доказать правящая верхушка Речи Посполитой, называвшая даже основной текст Зборовского договора «Декларацией милости» короля Войску Запорожскому. В разработке этих договоров со стороны восставшего народа большую роль сыграл сам Б. Хмельницкий.

Условия Зборовского договора создавались в два этапа. На первом этапе Б. Хмельницкий представил 17/VIII 1649 г. королю Яну Казимиру свои пункты (68). На втором после упорной борьбы был принят основной текст договора, получивший название Зборовского трактата (19/VIII 1649 г.)¹⁴. В тот же день Хмельницкий снял копию с трактата, а оригинал был направлен через А. Киселя королю. Кроме трактата, необходимо учитывать и иные документы, составлявшие с ним единый комплекс:

1) привилеи Яна Казимира Войску Запорожскому на г. Терехтемиров;

2) его же привилеи Хмельницкому на Чигирин, Субботов и др.;

3) подтверждение сеймом Зборовского трактата, хотя оно и не вошло в сеймовую конституцию (12/I 1650 г.);

4) универсал Яна Казимира от 19/I 1650 г., оповещавший Войско Запорожское о подтверждении сеймом трактата¹⁵.

Наконец, договор нельзя рассматривать изолированно от некоторых статей польско-крымского договора 19/VIII 1649 г., в которых прямо говорилось о повстанцах, и аналогичного тайного соглашения, которым король разрешил ордынцам брать ясырь на Правобережной Украине при их возвращении в Крым¹⁶.

Рассматривая весь комплекс документов, составляющих Зборовский договор, нельзя не отметить явное несоответствие между блестящей победой казацко-крестьянской армии и относительно скромными ее плодами. Серьезное различие лежит и между программой-максимум Хмельницкого, стремившегося полностью ликвидировать польско-шляхетское господство на всей Украине, о чем он говорил во время Переяс-

лавской комиссии (февраль 1649 г.), и умеренными требованиями «пунктов», не говоря уже о трактате. Основная причина этого, как верно указывалось в отечественной историографии¹⁷, заключалась в двойственной позиции крымского хана, который был заинтересован лишь в ослаблении противоборствующих сторон и продолжении между ними войны, которая давала ордынцам постоянную добычу за счет мирного населения Украины и в меньшей степени — Польши. Из-за этого гетману пришлось прекратить сражение в критический для коронной армии момент, с учетом новой, гораздо менее благоприятной ситуации составить «пункты», которые в ходе переговоров пришлось урезать под давлением представителей крымского хана. Так была уменьшена территория, которая должна была находиться под контролем гетманской администрации, численность казаков была ограничена до 40 тыс. человек, вопрос о ликвидации унии был отложен до предстоящего сейма и т. д.

Необходимо учесть и классовый характер договора, который, как отмечал Ф. П. Шевченко, «создавали и подписывали, с одной стороны, представители казацкой старшины и украинская мелкая шляхта, с другой — польское шляхетское правительство»¹⁸. Вследствие вышеуказанных причин Зборовский договор был компромиссным, противоречивым. Он не удовлетворил обе стороны и нарушался поэтому с обеих сторон, ряд его статей не был реализован. Если говорить об участниках Освободительной войны, то особенно резко пролив укрепления позиций польской шляхты на Украине выступали в тех полках, которые были созданы во время войны, в которых руководство принадлежало радикально настроенным полковникам, таким как Д. Нечай. Об этом красноречиво свидетельствуют многие источники, в частности письмо шляхтича Ходоровского к сыну от 9/XII 1650 г.: казаки «запретили хлопам давать своим панам малейшие подати или выполнять повинности. Отнимают шляхетские гумна, лошадей, убили некоторых жителей шляхетского сословия на Брацлавщине. Уж и не знаем, отсидимся ли в мире». По его же словам, повстанцы на «зарубах», как они называли пограничную линию, говорили между собой: «Если нас ляхи затронут, увидят, что загоним их за Варшаву, аж до Гданьска»¹⁹.

Учитывая напряженное положение на Украине, Б. Хмельницкий прилагал огромные усилия, чтобы не только добиться от польского правительства выполнения статей Зборовского договора, но и их изменения в пользу повстанцев. Об этом, например, свидетельствует проект нового договора,

представленный в сентябре—октябре 1650 г. гетманом молдавскому господарю В. Лупу, с тем чтобы тот оказал соответствующее давление на правительство Речи Посполитой. Этот обнаруженный нами документ приводится в приложении к данной работе.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что Зборовский договор при всей его ограниченности принес значительное облегчение украинскому народу на территории, контролируемой гетманской администрацией, способствовал укреплению позиций повстанцев и ослабил Речь Посполитую, «дворянскую республику», «основанную на грабеже и угнетении крестьян»²⁰.

Белоцерковский мирный договор заключался в значительно более тяжелых условиях для Украины, нежели Зборовский. После поражений под Берестечком, под Репками казацко-крестьянская армия была вынуждена оставить большую часть Правобережной Украины, включая Киев, и отступить к Белой Церкви. Ее преследовала опрощенная карательная армия, численность которой доходила, по нашим подсчетам, до 300 тыс. чел.²¹ С помощью этой армии правящая верхушка Речи Посполитой намеревалась полностью подавить восстание. Однако, опираясь на народные массы, Хмельницкий сумел организовать активную оборону, и враг был остановлен на подступах к Белой Церкви. Более того, мы склонны считать, что накануне подписания мирного договора инициатива перешла к крестьянско-казацкому войску, особенно если учесть востания, вспыхнувшие в тылу польско-литовской армии.

В отличие от Зборовского договора выработка Белоцерковского длилась более месяца (август—сентябрь 1651 г.) и на ее ход оказывала воздействие прежде всего ситуация на полях сражений. Немаловажную роль играла также расстановка сил в казацко-крестьянском стане. Необходимость заключения мира осознавалась тогда большинством повстанцев, но по вопросу о его условиях имелись серьезные расхождения. На этой почве резко обострились социальные противоречия.

Основная масса участников освободительной войны требовала сохранения в силе Зборовского договора, правые же группировки, представленные частью украинской православной шляхты и казацкой старшины (И. Выговский, М. Громыка и др.), стремились к установлению мира с Речью Посполитой на значительно более тяжелых для «черни» условиях. Б. Хмельницкий, с одной стороны, поддерживал устремления казацкой старшины, и поэтому в его словах, обращенных к А. Киселю (см. прил. 7), о том, что Войску Запорожскому при-

стало биться «не за чужих подданных и холопов, а за свои вольности», есть и доля истины. Безоговорочно эти слова принимать не следует, поскольку в глазах дипломата Речи Посполитой гетман стремился выдать себя за человека, склонного к установлению мира. Кроме того, данные слова неадекватно отражают политические позиции гетмана, который вел борьбу и против правых группировок в повстанческом лагере и не утратил в этот сложный период доверия повстанческой массы. Это был вынужден признать сам Н. Потоцкий, говоря, что «чернь скорее умрет, но Хмельницкого не выдаст»²². Когда же Хмельницкий отправлялся во вражеский стан для подписания договора, то «чернь и полковники» не хотели отпускать его, опасаясь предательства со стороны карателей. На заверения гетмана о том, что его безопасность гарантируется жизнью заложников — литовского подстаросты Потоцкого и красновоставского подстаросты М. Собесского, последовал ответ со стороны повстанцев: «Три тысячи Потоцких и Собесских не стоят тебя»²³.

На позицию представителей Речи Посполитой оказало значительное воздействие выступление рядового казачества против казацкой старшины, вспыхнувшее в период пребывания послов в Белой Церкви, а также прибытие 22/IX 1651 г. в ставку шляхетской армии 12 представителей повстанческих низов во главе с Ордынцем. Прибывшие выдвинули требование подписать новый мир на условиях Зборовского²⁴. Учитывая это, Хмельницкий выдвигал все новые условия, оттягивал подписание договора, стремясь, и безуспешно, добиться заключения мира на наиболее благоприятных условиях. Особенно острые разногласия в ходе переговоров выявились при обсуждении вопросов о численности казачества, о возвращении польской шляхты в свои бывшие имения, о союзе с татарами.

В итоге, потерпев неудачу в ходе боев 23—25 сентября, Потоцкий был вынужден принять во внимание заключительную «декларацию» Хмельницкого, которая, как и другие документы повстанцев, отразившие этапы выработки Белоцерковского договора, не сохранилась. Было дано устное согласие на некоторые требования повстанцев, например отсрочку выполнения некоторых условий договора. В конце концов после завершающего тура переговоров 27 сентября на следующий день, 28/IX 1651 г., был подписан мирный договор²⁵. Со стороны повстанцев его подписали Б. Хмельницкий, полковники М. Гладкий, И. Миньковский, Я. Пархоменко, М. Громыка, Б. Худый, черкасский полковой судья Я. Одинец и генераль-

ный писарь И. Выговский. Важную роль в ходе переговоров с дипломатами Речи Посполитой сыграли также А. Кулька, Р. Катирижний, С. Литвиненко и некоторые другие.

Следует отметить, что Белоцерковский мирный договор явился значительно менее выгодным для участников Освободительной войны, чем Зборовский. Об этом свидетельствуют пункты, предусматривающие реставрацию старых порядков на значительной части украинских земель, сокращение численности реестровцев до 20 тыс. чел. и др. Правда, этот договор формально сохранял свою силу менее года, а некоторые его пункты не были выполнены. Следует подчеркнуть, что этот договор обеспечивал интересы только части казацкой старшины, а вся тяжесть гнета магнатско-шляхетской Речи Посполитой вновь легла на плечи трудящихся масс. Тем не менее Белоцерковский мирный договор обеспечил повстанческим войскам необходимую мирную передышку, позволившую им оправиться после поражения под Берестечком, свидетельством чего является победа под Батогом (1—2/VI 1652 г.)

Кроме вышеупомянутых, сохранились условия и иных мирных договоров, в подготовке которых принимал участие и Хмельницкий, но они не относятся к периоду Освободительной войны, за исключением договора Б. Хмельницкого с В. Лупу, (1650 г.): 1) мирный договор, подписанный под Боровицей (декабрь 1637 г.)²⁶; 2) договор о совместной борьбе против Речи Посполитой, заключенный администрацией Хмельницкого со Швецией и Трансильванией (1656 г.); 3) проект договора о черноморской торговле с Турцией (50-е гг. XVII в.) (475). В то же время тексты ряда договоров и соглашений с Турцией, Крымом, Молдавией и другими странами, а также перемирий, заключенных повстанцами с Речью Посполитой, не сохранились. Их содержание можно восстановить лишь частично, опираясь на свидетельства различных источников. Среди них выделяется Бахчисарайский договор, заключенный Б. Хмельницким в ходе переговоров с крымским ханом Ислам-Гиреем IV (сер. февраля 1648 г.). Несмотря на «внутреннюю противоречивость» союза повстанцев с Крымским ханством, он сохранял свою силу на протяжении почти 6 лет²⁷. Для повстанцев этот союз был вынужденной необходимостью, так как до тех пор, пока Россия не могла вступить в войну против Речи Посполитой, они должны были избегать ведения военных действий на два фронта: и против Речи Посполитой, и против татар. Бахчисарайский договор еще не был объектом специального изучения, так же как и в целом дипломатические отношения с Крымским ханством.

Можно также отметить текст условий перемирия, заключенного повстанцами с представителями дипломатического корпуса Речи Посполитой 24/II 1649 г. в Переяславе (49). Добавим, что нам удалось обнаружить предпоследнюю редакцию условий перемирия, о которой упоминал польский дипломат В. Мясковский²⁸. Ее содержание сходно с окончательными условиями перемирия и с пунктами, направленными Хмельницким королю (49, 50)²⁹.

Таким образом, до нашего времени дошла лишь часть текстов договоров и соглашений, заключенных руководителями повстанческого лагеря. Все они представляют собой крупный исторический интерес, так как отражали результаты определенного этапа Освободительной войны против Речи Посполитой. Вместе с тем эти источники требуют к себе критического отношения, учета условий, в которых заключались те или иные договоры или соглашения, изучения вопроса о том, насколько полно они были реализованы.

§ 3. ИНСТРУКЦИИ И КОНДИЦИИ

Инструкцией называется документ, в котором заключался свод руководящих указаний гетманской администрации своим дипломатам, содержащий повестку дня переговоров, излагавший позиции, которые надлежало занимать дипломатам по тому или иному вопросу и др. И. П. Крипьякевич и И. Л. Бутич параллельно термину «инструкция» употребляли также термин «наказ». Это порождало путаницу, так как слово «наказ» на украинском языке означает «приказ», и в таком случае трудно бывает понять: идет ли речь о «наказе»-приказе или же о «наказе»-инструкции. Термином «кондиция» нами обозначены условия, пункты договоров, требований, выдвигаемых представителями Украины, которые **обязательно** представлялись другой стороне для рассмотрения (34, 68 и др.). Отметим, что не всегда инструкции и кондиции создавались в гетманской канцелярии. Так, киевский митрополит С. Косов направил в 1650 г. к Яну Казимиру своего посла игумена К. Старушича, снабдив его инструкцией из 18 пунктов³⁰.

В «ДБХ» опубликовано 15 инструкций и кондиций, из которых 19 было создано в 1648—1654 гг. Отметим, что издателями не были учтены некоторые опубликованные ранее документы, в частности: 1) так называемый «Ординанс послов» от 27/VII 1648 г.³¹; 2) требования Б. Хмельницкого, выдвинутые на Переяславской комиссии в феврале 1649 г. и сохранившиеся в записи русского посла Г. Кунакова³²; 3) упоминав-

шаяся выше кондиция Хмельницкого, относящаяся ко времени Переяславской комиссии; 4) проект нового договора с Речью Посполитой, направленный в 1650 г. к В. Лупу (см. прил. 3). Из всех 19 документов в оригинале сохранился лишь один (50), который нам удалось обнаружить в отделе рукописей музея Чарторийских под № 2713 (л. 129).

Следует отметить, что в России «наказ был вторым по важности (после верительных грамот. — Ю. М.) и первым по секретности документом русского посольства»³³. Такие секретные инструкции Хмельницкого пока не известны исследователям, хотя, по всей вероятности, они существовали. Обычно же инструкции и кондиции сочетались в одном документе, который передавался представителю другой стороны. Так, в «ДБХ» опубликован текст одной из инструкций, но без характерного подзаголовка, сделанного придворным канцеляристом: «Граумина и инструкция, врученная казацким послам и отданная ими 17/VII 1648 г. на сейме в Варшаве» (сенаторам. — Ю. М.)³⁴.

Нередко инструкции и кондиции облекались в форму «супплики», т. е. прошения, что сближает их с некоторыми письмами гетмана и еще более затрудняет их дифференциацию. К термину «супплика» надлежит относиться особенно критически. Еще Я. Радзивилл, польный гетман литовский, высмеивал недальновидность польской шляхты, принимавшей буквально данный термин: «когда нам Хмельницкий диктовал свою волю, мы называли это униженной суппликой»³⁵.

Следует подчеркнуть, что инструкции и кондиции, как никакие иные категории гетманских документов, за исключением текстов мирных договоров, отражали точку зрения, выработанную обычно на радах (старшинских или всеобщих) или, во всяком случае, согласованных с ними. Эти документы не всегда отражали чаяния повстанческих низов, не всегда совпадали и с мнением самого Хмельницкого. Так, в реляции шляхтича Мысловского, бывшего послом Я. Радзивилла к Хмельницкому в марте 1651 г., говорилось: «на раде, которую гетман имел со старшиной, все на него кричали из-за мира (т. е. из-за того, что Хмельницкий не хотел мириться с королем. — Ю. М.). Он же ответил: «Добре, я учиню мир...»³⁶

Многие важные вопросы не отмечались в инструкциях, слабо и нечетко обрисовывалась линия поведения послов. Это делалось не случайно, так как документы могли быть перехвачены противником. Поэтому о наиболее важных делах посол должен был информировать адресата устно. Инструкции и кондиции не отражают, в силу своей специ-

фики, ход переговоров, «закулисных действий» дипломатов. В некоторой степени это освещается в сопроводительной документации послов. Так, посольство повстанцев (Ф. Вешняк, Л. Мозыра, Гр. Бут*, И. Петрушенко), отправившееся летом 1648 г. к Владиславу IV, повезло с собой в Варшаву не только инструкцию (5), но и личные послания Хмельницкого к королю (4), маршалку Л. Казановскому (6). Почти одновременно такие же послания с просьбой поддержать посольство были направлены Д. Заславскому (7, 9), А. Киселю (8). 17 июля послы были на аудиенции у М. Лубенского, гнезненского архиепископа, так как Владислав IV уже умер, а новый король еще не был избран. 22 июля им был дан ответ от имени сейма и вручено отдельное послание канцлера Е. Оссолинского гетману, отражающие позиции правительства Речи Посполитой по данному вопросу.

Особо следует подчеркнуть значение некоторых источников иного вида, в определенной степени заменяющих стенограммы хода переговоров, которые еще не применялись в дипломатической практике восточноевропейских государств. Это прежде всего «записи» хода переговоров, которые вели в России посольства И. Искры, С. Зарудного, К. Бурляя, С. Мужиковского. Данные «записи» создавались дяками Посольского Приказа³⁷. Высокая достоверность указанных источников была по достоинству оценена советскими историками, и они широко их использовали в своих трудах. «Записи», осуществляемые украинскими канцеляристами не сохранились, но в том, что они существовали, сомневаться не приходится. Об этом свидетельствует, например, подробное изложение переговоров Хмельницкого с крымским послом Алкас Кегито в мае 1654 г. в Чигирине, а также переговоров в Бахчисарае, которые вел незадолго перед этим представитель гетмана С. Савич. Эти записи сохранились в составе «статейного списка» русского посла на Украину Т. Перфильева³⁸. Известны также некоторые записи переговоров, созданные польскими дипломатами. Из них числа следует выделить: «диариуш» В. Мяковского, заключавший в себе нечто вроде стенограммы Переяславской комиссии; «Секретный и достоверный дневник» А. Мяковского, дневник Ст. Освенцима, освещавшие переговоры под Белой Церковью; реляцию шляхтича Мышловского, посланника Я. Радзивилла к Б. Хмельницкому (март 1651 г.)³⁹.

* В ряде работ использовались неисправные списки инструкции, где фамилия Гр. Бута, будущего черниговского наказного полковника, подана в искаженном виде: Болдарт.

и др. В то же время записи дипломатов Речи Посполитой являются тенденциозными, что следует учитывать.

В результате можно сделать следующий вывод: если условия договоров подвели итоги дипломатических переговоров, то инструкции и кондиции дают достаточно полное, но отнюдь не исчерпывающее представление о первоначальных требованиях. Некоторые из них в своей преамбуле проливают свет и на тяжелое положение трудящихся масс Украины накануне Освободительной войны (5).

§ 4. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА

Письма Б. Хмельницкого составляют особую группу его документов. Они обладают признаками публично-правовых (канцелярских) актов, поскольку выпускались публичной властью и затрагивали важные вопросы деятельности гетмана и его административного аппарата, в первую очередь дипломатического и военно-административного характера⁴⁰. Отметим некоторые черты формуляра писем или, как их обычно именовал Хмельницкий, «листов».

В начальном протоколе обычно имеются интитуляция, инскрипция и салютация, причем салютация зачастую предшествует инскрипции. Инвокация и интитуляция отсутствуют, правда, последняя встречается в письмах гетмана, адресованных в Россию. Для этих же писем характерно сочетание аренды с инскрипцией («Божией милостью»). Данное обстоятельство объясняется стремлением Хмельницкого следовать в переписке с царем, представителями государственного аппарата России формуляру русских документов. Особенно тщательно при этом выписывался титул адресата, на который прежде всего обращали внимание получатели. Так, когда в первом послании к Алексею Михайловичу (10) Б. Хмельницкий отступил от канонов, на это ему было тут же указано в ответном письме и присланы соответствующие образцы титулов. Неслучайно титулы различных монархов, иных высокопоставленных лиц находим в упоминавшемся выше формулярнике С. Галуговского.

→ В основной части писем постоянно встречаем обширную можем назвать лишь условно. Дело в том, что в письмах, на наррацию, а также диспозицию, которую, впрочем, таковой правленных к монархам, представителям правительств заключались не приказы, а различные предложения, разъяснения гетмана. Постоянно присутствует корроборация, значительно реже — аренда и промульгация. Для заключительного протокола характерен лишь датум, апрекация отсутствует. В неко-

торых случаях формуляр искажался переписчиками, чаще всего опускавшими титулы, даты, словом — части начального и конечного протокола.

В целом формуляр писем является значительно более изменчивым, нежели формуляр универсалов и приказов гетмана. Это объясняется и спецификой эпистолярного жанра, и разнообразием вопросов, поднимаемых в письмах, и необходимостью учитывать канцелярские традиции той страны, куда адресовалось послание, и, наконец, политическую ситуацию данного момента. Неслучайно именно среди писем встречаем более всего документов, написанных на латинском и польском языках. Отметим, что письма также могли составляться по заданию гетмана канцеляристами, но они всегда подписывались Хмельницким собственноручно.

В «ДБХ» было опубликовано 323 (26/V) письма Б. Хмельницкого, из которых 216 относились к периоду Освободительной войны. Издателями не были учтены некоторые письма гетмана, публиковавшиеся ранее: 1) письмо к Ислам-Гирею IV от 6/V (26/V) 1654 г.⁴¹; 2) латиноязычное письмо к шведскому королю Карлу X Густаву (сентябрь 1655 г.)⁴². Впоследствии И. Л. Бутич издал еще 5 писем гетмана, адресованных трансильванскому князю Дьердю Ракоци в 1649—1655 гг.⁴³ В зарубежной печати было издано 6 писем Б. Хмельницкого к А. Киселю, извлеченных из рукописи середины XVII в.⁴⁴: 1) 5/IX (26/VIII) 1650 г., из Орловца. Содержится протест гетмана против необоснованного ареста Н. Потоцким двух сотников брацлавского полка; 2) 26(16)/IX 1650 г., из Мясковки. Сообщается о том, что гетманские послы были у султан-галги и по заданию Хмельницкого отговаривали его от замышляемого похода против России. Этого удалось добиться, тогда орда, вопреки желанию гетмана, двинулась против Молдавии. Б. Хмельницкий подчеркивает, что в этот поход он выступил вынужденно, и его задача — прикрывать крымцев с фланга (от возможного удара польско-шляхетских войск. — Ю. М.). Здесь же Хмельницкий обвиняет Н. Потоцкого в нарушении мира; 3) 24(14)/XII 1651 г., из Чигирина. Сообщается о посылке в Корсунь есаула Демка (Лисовца) во главе нескольких десятков человек для расследования обстоятельств вооруженного выступления в Корсунь и убийства белоцерковского полковника М. Громыки. Новый реестр уже составлен, за исключением белоцерковского и корсунского полков, причем последний из-за своего выступления подлежит реорганизации. Полностью составить реестр до католического праздника Рождества Христова не удастся; 4) 9/I 1652 г. (30/XII 1651 г.), из Чигирина. Сооб-

щается о казни 8/І 1652 г. бывшего корсунского полковника Л. Мозыри. Следствием было установлено, что именно он был основной «причиной корсунских бунтов и смерти покойного (М. Громыки. — Ю. М.), но осуществлено это было не им самим, а через посредство его конспираторов и других лиц». А. Кисель должен знать Л. Мозырю, а отец последнего «бывал и гетманом запорожским». В письме согласовываются также условия выполнения Белоцерковского мира; 5) 19(9)/І 1652 г., из Чигирина. Сообщается об окончании составления реестра, о подавлении волнений в корсунском и белоцерковском полках. Хмельницкий требует убрать коронные войска с левобережной Киевщины, так как это противоречит условиям мира; 6) 20(10)/І 1652 г., из Чигирина. Говорится о необходимости сохранения мира и о том, что послы гетмана с реестром Войска Запорожского, отправившиеся на сейм в Варшаву, не успеют к его началу, так как весть о предстоящем сейме дошла к Хмельницкому с опозданием.

Нами было опубликовано 4 письма Хмельницкого: 3 письма к А. Киселю, написанные в период переговоров под Зборовым, а также краткое послание Владиславу IV, сообщающее о победе под Корсунем (написано между 26—31/V 1648 г.)⁴⁵. Еще 14 писем гетмана, не считая нескольких документов иных групп, были обнаружены нами в архивах СССР и ПНР, они приводятся в приложении к настоящей работе. 9 из них (6 писем к А. Киселю, по одному — к Яну Казимиру, Ст. Р. Потошкому, Д. Ракоци) относятся к периоду Освободительной войны. Таким образом, в настоящее время известно 35 писем Б. Хмельницкого, из которых в 1648—1654 гг. было написано 24. Более наглядное представление об этой самой многочисленной группе сохранившихся гетманских документов может дать таблица № 2, приводимая в приложении.

Как видим, наибольшее количество писем (всего 156) было адресовано Хмельницким в Россию (царю, патриарху и др.). Это убедительно свидетельствует об интенсивных русско-украинских связях периода Освободительной войны и последующего времени, о настойчивом стремлении гетмана к воссоединению Украины с Россией. Закономерно, что уже в первом письме Б. Хмельницкого в Россию, написанном вскоре после Корсунской победы (№ 10 от 18/VI 1648 г.), ставился вопрос о воссоединении. Данная часть комплекса писем Хмельницкого традиционно привлекала к себе внимание советских исследователей как важнейший источник по истории русско-украинских связей и была глубоко изучена⁴⁶. В связи с этим перейдем к рассмотрению иных частей данного комплекса гетман-

оких писем, отметив лишь неполное использование исследователями информации, заключающейся в письмах Хмельницкого в Россию. Дело в том, что после воссоединения Украины с Россией гетман стал особенно подробно извещать русское правительство о событиях, происходящих в соседних государствах, о положении на фронтах борьбы против Речи Посполитой, Крымского ханства, о ходе и результатах сражений. Б. Хмельницкий черпал информацию из богатейших и разнообразнейших источников, стекавшихся к нему со всех концов Украины, а также и из-за ее пределов. Так, в одном из писем (273) гетман сообщает о показаниях пленного солдата Л. Збуйновского, а также упоминает о четырех «языках», направляемых в Москву. Последние были взяты в плен отрядом полковника Яненко, специально посланным за «языками» к г. Мозырю. Там была разбита часть литовского полковника Павши, пленена его жена и 4 солдата. В другом письме Хмельницкий пересказывал суть послания (от 24/II 1657 г.) от командующего казацким корпусом, посланным в Польшу на помощь шведско-трансильванской армии А. Ждановича. Последний сообщал о том, что он, преследуя королевские войска, продвигается от Переворска к Кракову (437). Такого рода примеров можно привести немало.

Таким образом, можно сделать вывод о высокой ценности информации, заключающейся в письмах Хмельницкого в Россию. В сочетании с приказами и внутренней перепиской гетмана, которая, кстати, сохранилась очень плохо (лишь 2 письма), она противостоит тенденциозным свидетельствам источников, вышедших из враждебного повстанцам лагеря.

Несколько иной характер носят письма Хмельницкого, адресованные представителям правящих кругов Речи Посполитой. Здесь не находим сколько-нибудь подробного освещения хода военных действий, вскользь говорится о событиях, происходящих за пределами Украины. Эти письма отражают прежде всего дипломатическую борьбу администрации Хмельницкого, стремление гетмана заключить максимально выгодное для повстанцев мирное соглашение. Встречаются также письма, направленные видным представителям правящего класса Речи Посполитой И. Радзеевскому, Я. Радзивиллу и другим для того, чтобы усилить разногласия в стане правящей верхушки Речи Посполитой и даже вызвать выступление их против короля. Представляют значительный интерес письма, относящиеся к 1647—1648 гг., отразившие начальный этап восстания, содержащие впечатляющую картину режима тя-

желого угнетения украинского народа магнатско-шляхетской Речью Посполитой (см. прил. 1—9). Что касается корреспонденции с другими государствами, то в ней отражена прежде всего деятельность Хмельницкого по созданию широкой коалиции государств Центральной и Восточной Европы, стремление использовать их военный потенциал в интересах повстанцев против магнатско-шляхетской Речи Посполитой. К сожалению, при изучении этого вопроса возникает немало спорных или вообще нерешенных вопросов. Так, например, противоречивые вопросы установления союзных отношений с Трансильванией до сих пор не стали предметом специального исследования. А ведь письма к князю Д. Ракоци и членам его правительства составляют третью по численности группу сохранившихся документов Хмельницкого; некоторые источники даже указывают на заключение договоренности Хмельницкого с Трансильванией о совместном выступлении против Речи Посполитой в самом начале восстания⁴⁷.

Среди писем Хмельницкого выделяется специфичная группа **«проезжих листов»**, включающая 30 документов. Употребляемый Хмельницким термин «проезжий лист» соответствует русским «прохожим листам», «проезжим грамотам» и именно так эти документы определялись дьяками Посольского Приказа, переводившими их. «Проезжие листы» имеют общие черты с «проезжими универсалами», из-за чего их иногда путают⁴⁸, но в то же время имеют и отличительные признаки. Дело в том, что «проезжие листы» содержали в диспозиции не приказ, как универсалы, а просьбу, поскольку приказ гетмана о свободном пропуске его представителя на территории иного государства попросту не имел юридической силы. В этом и заключается основное отличие «проезжих листов» от «проезжих универсалов». От писем гетмана «проезжие листы» отличаются своим назначением, которое заключалось в необходимости удостоверить личность предьявителя, вкратце охарактеризовать суть его миссии. Хотя в «проезжих листах» могли присутствовать и некоторые иные моменты, чаще всего просьбы о поддержке дипломатов, но в целом их можно определить как рекомендательные письма.

Из 30 сохранившихся «проезжих листов», выданных Б. Хмельницким, подавляющее большинство адресовано царю Алексею Михайловичу и иным представителям государственного аппарата России. Лишь 3 «проезжих листа» было направлено в другие страны: князю Д. Ракоци (359), турецкому янычар-аге (439) и польским сенаторам (162). Это бесспорно является ярким свидетельством интенсивности русско-украин-

ских связей середины XVII в. Следует учесть, что многочисленные «проезжие листы», выданные украинским дипломатам, купцам и другим лицам, направлявшимся в другие государства, не сохранились или еще не выявлены. В наличии пробелов в данном комплексе документов можно убедиться, рассматривая относительно неплохо изученные источники по истории русско-украинских дипломатических контактов периода Освободительной войны. Как известно, в 1648—1654 гг. в Москву было направлено 10 крупных посольств Хмельницкого. Если учесть, что послам выдавали как минимум по одному «проезжему листу», то окажется, что до нашего времени дошли документы лишь 4 посольств М. Суличича (129), И. Искры (161), К. Бурляя и С. Мужилковского (200, 201, 202), С. Яшкевича (212, 213).

«Проезжие листы» обычно выдавались послам Б. Хмельницкого, иностранным дипломатам, высшим представителям православной церкви Ближнего Востока, направлявшимся через территорию Украины в Москву, высшим иерархам украинской православной церкви, культурным деятелям, купцам и др. Несколько особняком стоит «проезжий лист», выданный представителю белорусской шляхты К. Поклонскому (261), стороннику воссоединения Белоруссии с Россией.

Содержание «проезжих листов» довольно однообразно. Перечень титулов, стандартные формулы вежливости, риторические упражнения занимали в ряде случаев больше места, чем изложение самой сути дела. Тем не менее «проезжие листы» обычно содержат имена послов, краткие сведения о характере их миссий, хронологические данные и др. В нарративной части некоторых документов этой группы встречается информация военно-политического характера, например о действиях неприятельских войск (467). «Проезжие листы» проливают также свет на важнейшее обстоятельство, которое зачастую выпадает из поля зрения исследователей; использование в некоторых случаях Хмельницким послов иностранных государств в деле укрепления русско-украинских политических связей. Так, по свидетельству «проезжего листа», гетман поручил молдавскому послу митрополиту Гавриилу «устный разговор имети к вашему царскому величеству» (187). Отметим, что документы данной группы можно подразделить и на подгруппы, объединенные по тематико-хронологическому принципу. Так, «проезжие листы» № 199—202 были созданы в один день (2/IV 1655 г.) и были вручены послам К. Бурляю и С. Мужилковскому для передачи царю, а также различным влиятельным лицам в русском правительстве: боярам Б. Мо-

розову, И. Милославскому, Гр. Пушкину. Характерно, что последние три документа совпадают друг с другом почти полностью. Следовательно, при наличии хотя бы одного «проезжего листа» какой-либо подгруппы, можно реконструировать и текст остальных.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что свидетельства «проезжих листов» являются важным дополнением к информации, содержащейся в инструкциях, кондициях и других источниках по дипломатической истории Освободительной войны.

Эпистолярное наследие Б. Хмельницкого следует использовать в сочетании с предшествующими и ответными посланиями другой стороны. В этом плане укажем на переписку гетмана с городской верхушкой осажденных городов Львова и Замостья (1648 г.), особенно Львова во время его осады русско-украинскими войсками в 1655 г. (25—31, 328—339). Существенным дополнением к переписке с польскими бюргерами в 1655 г. является дневник студента Яна Божецкого, охватывающий период с 20/IX по 10/XI 1655 г.⁴⁹ Находясь во время осады города во львовском иезуитском коллегииуме, Божецкий детально фиксировал ход переговоров со слов бюргерских католических дипломатов, копировал переписку Б. Хмельницкого и некоторых представителей его администрации с магистратом, подробно рассказывал об обстоятельствах появления каждого письма.

Послания гетмана нередко отражали не его личную точку зрения по тому или иному вопросу, а согласованную с иными руководителями повстанцев, а то и с более широкими кругами, линию. Так, когда А. Кисель в середине июня 1648 г. передал гетману письмо правительства Речи Посполитой с предложением начать переговоры, он стал свидетелем созыва Хмельницким «школа», на котором после долгих споров было принято решение начать в будущем «комиссию» с польскими дипломатами⁵⁰.

Письма, как и инструкции, не всегда включали в себя всю основную информацию, которую следовало передать адресату. Опасаясь возможного перехвата посланий, наиболее важные сведения часто приказывали гонцам передать устно. Критически следует относиться и к заверениям Хмельницкого в дружбе и покорности в переписке с членами правительства Речи Посполитой. Видный советский историк, академик С. Б. Веселовский, анализируя русские эпистолярные источники XVIII—XIX вв., указывал: «неправильно принимать за чистую монету трафаретные выражения ..., вроде: «многоува-

жаемый..., остаюсь преданный и готовый к услугам» и т. д.⁵¹ Это тем более характерно для дипломатической практики XVI—XVII вв., когда велеречивое изложение комплиментов и дружеского расположения занимали иногда большую часть послания. К тому же к использованию таких формул как, например, в письмах № 215—217 и родственных им посланиях к Яну Казимиру и Ст. Р. Потоцкому (август 1653 г.), приводимых в приложении, гетмана иногда вынуждала тяжелая ситуация на фронтах борьбы против польской шляхты. Иногда, особенно в самом начале Освободительной войны, гетман по тактическим соображениям подчеркивал свою верность королю, упоминал о том, что его выступление обращено против некоторых магнатов и шляхты. Эти моменты не были чем-то из ряда вон выходящими. Так, в начальный период Первого Сербского восстания (1804—1813 гг.), возродившего независимость Сербии, его руководители в письмах к султану подчеркивали, что борьба ведется не против него или Турции, но против мятежных янычар, творящих произвол в Белградском пашалыке⁵². Словом, как верно отметил И. П. Крипьякевич, «этикет и дипломатическая вежливость» Хмельницкого «не всегда отражали подлинную суть дела»⁵³. Письма гетмана 1656—1657 гг., помещенные в приложении к данной работе, подтверждают этот вывод. Действительно, Хмельницкий отвечал весьма вежливо на мольбы короля Яна Казимира и его главнокомандующего о помощи, но не только отклонял их под различными предложениями, но и послал казацкий корпус А. Ждановича на помощь шведско-трансильванским войскам, находившимся тогда в Польше. Указанные особенности писем гетмана являются характерными в целом для дипломатической переписки феодальных государств Европы. Сам Хмельницкий в ходе переговоров с литовским послом (март 1651 г.) относительно мирных предложений Речи Посполитой так оценил правдивость посланий Яна Казимира и А. Киселя: «...Кисіль що іншого тут лише, а що іншого з королем робить»⁵⁴.

Необходимо сказать о том, что многие письма Хмельницкого, особенно к другим руководителям повстанцев, не дошли до нашего времени. Лучше представить себе их состав позволяет анализ упоминаний, содержащихся в различных источниках. Так, только составители «ДБХ» зафиксировали 25 писем гетмана к М. Кривоносу, Ст.-М. Кричевскому, М. Небабе, М. Гладкому, Т. Хмельницкому и др. В формулярнике С. Галуговского находим титулы С. Косова, И. Тризны, к которым, конечно, писали, но ни одно из писем Хмельницкого к

этим представителям православного духовенства не сохранилось. Значительный ущерб потерпела переписка Хмельницкого с крымским ханом и его двором. В одном из писем некоего агента Речи Посполитой из числа молдавских бояр сообщалось: «...у Хмельницкого послы от хана бывают каждые три дня» (от 2/XI 1650 г.)⁵⁵. Ясно, что и со стороны гетманской администрации направлялись ответные гонцы в Крым, причем они, как правило, везли с собой письма гетмана. Однако за весь 1650 г. до нашего времени дошло одно письмо Хмельницкого (97), а всего за период 1648—1657 гг. — 11 писем к хану и его мурзам. Обычно эти письма перехватывались противником при различных обстоятельствах. Так, на конверте одного из таких писем отчетливо заметна кровь убитого или раненого казацкого гонца. После поражения под Берестечком в руки королевских войск попал «большой серебряный каламар (чернильный прибор. — Ю. М.) Хмельницкого со всеми его письмами султану, крымскому хану, московскому царю; ответные письма от Ракоци. Каламар был отдан г. Браницкому, а письма королю»⁵⁶. Были и другие каналы получения документов Хмельницкого (снятие копий агентами, получение писем от дипломатов иных стран и т. д.). В большинстве же случаев послания гетмана оседали в архивах адресатов, например, в России, Польше.

Количество писем, созданных гетманом, невозможно точно подсчитать. И. П. Крипьякевич полагал, что еще предстоит обнаружить около 400 его посланий. Мы склонны увеличить эту цифру как минимум до 1000, и она нам не кажется предельной. Можно привести следующий показательный факт. Сенатор Кр. Радзивилл в течение трех недель (1632 г.) направил свыше 400 посланий шляхте различных воеводств, добываясь поддержки своих предложений на сейме. Насколько же более обширным должно быть эпистолярное наследие Хмельницкого, если он в течение 9 лет являлся государственным деятелем, полководцем и дипломатом, если его аппарат поддерживал активнейшие дипломатические контакты с различными государствами, и в первую очередь с Россией.

В заключение следует подчеркнуть подлинность всего комплекса писем Б. Хмельницкого. Информация же, которая в них заключена, при всей необходимости критического к ней отношения, включает в себе немалое количество достоверных фактов по истории Освободительной войны.

§ 5. РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ ДОКУМЕНТОВ Б. ХМЕЛЬНИЦКОГО

Огромный некогда комплекс документов периода Освободительной войны, в том числе и документы самого гетмана, дошел до нашего времени со значительными потерями: из-за стихийных бедствий; отсутствия надлежащих условий хранения архивных материалов в дореволюционной России и особенно из-за войн. Так, в 1707 г. полностью погиб гетманский архив. Такая же участь постигла в разное время документы полковых канцелярий. До сих пор продолжаются поиски значительной части архива Коша Запорожской Сечи (КЗС)*. Особенно большой ущерб понесли отечественные архивохранилища от рук немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны. В частности, в СССР были почти полностью уничтожены документальные собрания архивов и музеев Днепропетровска, Полтавы, Донецка, Запорожья, Николаева и ряда других городов. Так, достоверно известно, что в отделе рукописей Днепропетровского исторического музея до войны хранился оригинал универсала Б. Хмельницкого, жалоба В. Лупу Б. Хмельницкому на его сына Тимоша и др., которых сейчас нет в музейном собрании. Немало ценных материалов по истории Освободительной войны, хранившихся во многих архивах Польши, погибло от рук немецко-фашистских захватчиков.

Следует назвать и иные причины, которые не только уменьшали, но и серьезно деформировали источниковую базу истории Освободительной войны. Прежде всего, это — систематическое уничтожение ряда категорий повстанческих документов представителями правящего класса Речи Посполитой и в особенности «зазывных универсалов». Характерно, что все известные гетманские универсалы, касающиеся монастырей, охватывают географически лишь Левобережную Украину и Киев. Причину данного обстоятельства следует искать не только в более тяжелых испытаниях, выпавших на долю Правобережья, где во второй пол. XVII — первой четв. XVIII в. ве-

* Часть документов КЗС находится в ЦГИА СССР в Киеве (ф. 229), часть — в ЦГАДА (Москва), остальные распылены по различным архивохранилищам СССР, ГНР и других стран. Так, в ОР музея Чарторьских (Краков) и ДИМа (Днепропетровск) нам удалось выявить в общей сложности 33 документа КЗС (соответственно 18 и 14). По имеющимся у нас данным, значительное количество документов, освещающих историю запорожского казачества, в настоящее время хранится в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР (Ленинград) в неразобранном виде и никто из исследователей пока их не использовал.

лись непрекращавшиеся войны, в запустении и обезлюдении края. Дело в том, что на Левобережье, воссоединенном с Россией, пожалования Б. Хмельницкого сохраняли юридическую силу во второй пол. XVII—XVIII в., и даже в более позднее время. Что касается Правобережной Украины, где в результате агрессивных действий магнатско-шляхетской Речи Посполитой была восстановлена (формально с 1667 г.) власть польских магнатов и шляхты, то здесь пожалования Б. Хмельницкого утратили всякую силу. Более того, их хранение, использование в качестве обоснования претензий, могли вызвать репрессии по отношению к их владельцам. Вследствие этого до сих пор неизвестны документы, касающиеся монастырей Правобережной Украины, т. е. большей части территории, находившейся под властью гетманской администрации в 1648—1654 гг.

Кроме того, различные категории документов Хмельницкого обладали неодинаковой ценностью в глазах современников. «Привиллеи», иммунитетные универсалы сохранялись тщательно, так как они гарантировали своим владельцам и их преемникам определенные права, например на владение земельными угодьями, селами и др. Неслучайно эти документы бережно хранились в фамильных и монастырских архивах, их копии заносились во время тяжб в судебные книги, составлялись даже целые сборники такого рода материалов. Подтверждением этого служат некоторые обнаруженные нами материалы Золотоверхого Михайловского монастыря в Киеве. Так, в «Описи краткой имений... (1701, 1736 гг.)»⁵⁷ содержатся копии всех универсалов и грамот, выдаваемых монастырю различными лицами, в том числе и Хмельницким (250, 318, 320). Известны и другие сборники копий XVIII—XIX вв. этого же монастыря⁵⁸.

Что касается той документации гетмана, которая производилась в связи с необходимостью управления сложным военно-административным аппаратом казацко-крестьянской армии, то она быстро утрачивала свою актуальность. Получателям сохранять документы такого рода на протяжении длительного времени особого смысла не было, и вследствие этого они гибли в массовом количестве. Можно привести красноречивый пример. В одном из приказов Б. Хмельницкого (100) говорится о необходимости киевскому полковнику прислать 300 человек для предстоящего похода. В поход должно было отправиться несколько тысяч человек (не менее 3000, по триста человек из каждого полка). Следовательно, должны были быть изданы еще как минимум 9 приказов, которые не дошли

до нашего времени. Такого же рода приказы или универсалы должны были издаваться перед каждым из многочисленных походов казацко-крестьянской армии, но сохранилось лишь незначительное их количество. Не дошел до нас «декрет», «статьи о строе Войска Запорожского» — своеобразный устав, а также судебник. Серьезные пробелы имеются в переписке гетмана: неизвестно ни одно частное письмо Хмельницкого к членам его семьи, друзьям, хотя свидетельства об их существовании имеются. Опромный период жизни Хмельницкого (до 1648 г.) представлен лишь одним документом — условиями мира, заключенного под Боровицей (1637 г.). Не сохранилось и завещание гетмана.

Все вышесказанное свидетельствует о серьезных потерях в источниках, вышедших из-под пера Б. Хмельницкого. Плохая сохранность документов, освещающих деятельность гетмана по вовлечению в восстание широких народных масс, важные аспекты его административной и военной деятельности, а также судопроизводства, привели к деформации источниковой базы по истории Освободительной войны. Неучитывание данного обстоятельства сказывалось на оценке политических позиций Б. Хмельницкого, отношения гетмана к народным массам, их прогрессивной роли в истории. Умышленное игнорирование проблемы репрезентативности источников характерно в целом для украинской буржуазно-националистической (М. С. Грушевский), буржуазной (Н. Буцинский) историографии, современных буржуазно-националистических эмигрантских «школ», фальсифицирующих историю Освободительной войны, в том числе и роль ее предводителя Б. Хмельницкого.

Одним из важнейших условий окончательного решения данной проблемы является проведение глубоких и систематических «кверенд» — поисков в отечественных и зарубежных архивохранилищах с целью выявления их публикации. Кроме того, необходимо учесть все сведения о документах Б. Хмельницкого, содержащиеся в различных источниках, составить их развернутый реестр.

Материалы, накопленные нами, позволяют разделить данные сведения на три группы:

1. Упоминания: а) неопределенные, например «лист» Хмельницкого; б) определенные, т. е. заключающие в себе краткие сведения о содержании документа, времени его создания и др.

2. Экстракт — более пространное извлечение содержания документа.

3. Изложение — весьма подробный пересказ.

Естественно, пересказы представляют собой наибольшую ценность и их использование наряду с прочими свидетельствами позволяет существенно восполнить недостающие звенья в комплексе документов Б. Хмельницкого. Начало этому уже было положено⁵⁹, теперь же предстоит составление развернутого реестра всех сведений о несохранившихся документах Б. Хмельницкого с последующей их систематизацией и анализом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной части пособия была предпринята попытка проанализировать краткий анализ документов Богдана Хмельницкого как источника по истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. В результате проведенной работы можно сделать определенные выводы. Комплекс документов Б. Хмельницкого дошел до нашего времени далеко не в полном виде и претерпел значительную деформацию. Особенно плохо сохранились материалы, отражающие деятельность гетмана по развертыванию восстания, по вовлечению в борьбу против польско-шляхетских поработителей народных масс; раскрывающие многие аспекты деятельности Б. Хмельницкого по осуществлению административных функций, управлению казацко-крестьянской армией; освещающие дипломатические контакты гетманской администрации с Молдавией, Крымом и другими государствами. В некоторой степени эти пробелы могут быть восполнены за счет привлечения упоминаний, экстрактов, пересказов содержания несохранившихся документов гетмана, которые заключаются в различных источниках и довольно точно передают их основной смысл.

Тем не менее и в таком виде комплекс документов предводителя Освободительной войны представляет собой наиболее важную часть всей совокупности материалов, вышедших из повстанческого лагеря.

Документы Б. Хмельницкого подразделяются на несколько основных групп, в числе которых можно выделить особые подгруппы, имеющие свою специфику. Что касается внутренней формы этих документов, то наибольший интерес бесспорно представляют универсалы и приказы. Их формуляр имеет свои устойчивые признаки и совпадает с формуляром аналогичных документов гетманов Запорожской Сечи XVI — первой половины XVII в. Этот формуляр, в свою очередь, складывался на основе традиций канцелярии украинских земель, уходящих корнями, как и традиции России, Белоруссии, во

времена существования Древнерусского государства. При этом формуляр гетманских универсалов и приказов испытал влияние и канцелярских традиций феодальной Польши, так как на протяжении длительного времени украинские земли находились под ее властью и это не могло не наложить своего отпечатка на различные сферы общественной жизни Украины. Изучение формуляра документов Б. Хмельницкого позволило уточнить их классификацию, выявить некоторые сомнительные универсалы* и, наоборот, доказать подлинность некоторых из тех, которые раньше считали подложными.

Универсалы и приказы важны прежде всего как источник по истории социальной политики гетманской администрации, остальные категории документов освещают главным образом внешнеполитические аспекты деятельности последней. Особую ценность представляют собой «Мартовские статьи» и сопутствующие им документы, а также письма Б. Хмельницкого царю Алексею Михайловичу, членам русского правительства, государственного аппарата. Они являются важнейшим источником по истории русско-украинских связей, воссоединения Украины с Россией.

Различные группы документов Б. Хмельницкого имеют неодинаковую полноту и различны по степени достоверности сообщаемой в них информации. Все они требуют критического к себе отношения и использования их сообщений в тесной связи с показаниями иных источников. В то же время они вместе с другими материалами борющегося народа выгодно отличаются от многочисленных источников, вышедших из-под пера представителей правящего класса Речи Посполитой, враждебно относящихся к Освободительной войне и потому весьма тенденциозно освещавших ее историю. В целом документы Б. Хмельницкого дают возможность ставить и решать важнейшие вопросы истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.

Список использованной литературы и источников

Введение

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 342.

² Правда, 1982, 22 дек.

³ См.: Крип'якевич І. П. Богдан Хмельницький. — Київ: Вид-во АН УРСР, 1954; Шевченко Ф. П. Політичні та економічні зв'язки Ук-

* Заслуживает особого рассмотрения вопрос о двух стихотворениях, без всяких оснований приписанных польскими дворянско-буржуазными авторами Б. Хмельницкому, а также об обнаруженной нами «Генеалогии Богдана Хмельницкого...» — явном фальсификате, созданном в среде наиболее реакционной части правящего класса Речи Посполитой между 1648—1653 гг.

раїни з Росією в середині XVII ст. — Київ: Вид-во ВН УРСР, 1959; Ковальський Н. П., Назаренко Ю. В. Методические указания и библиография по изучению спецкурса «Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией». — Днепропетровск: ДГУ, 1980, с. 7—50.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.

⁵ См.: Пушкарёв Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. — М.: Наука, 1975, с. 189—267; Тихомирнов М. Н. Источниковедение истории СССР. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962, вып. 1.

⁶ См.: Каштанов С. М., Курносоев А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения. — Исторический архив, 1962, № 4.

⁷ См.: Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1966, т. 1, с. 7, 8—101.

⁸ См.: Мыцьк Ю. А. Украинские летописи XVII века. — Днепропетровск: ДГУ, 1978; Он же. Записки иностранцев как источник по истории Украины (вторая половина XVI — середина XVII в.). — Днепропетровск: ДГУ, 1981, ч. 1 (немецкие и австрийские источники).

⁹ См.: ЛБАН, ОСИ, П. 11594. «Ausführlicher Bericht...» (1649).

¹⁰ Документи Богдана Хмельницького. 1648—1657 pp. — Київ: Вид-во АН УРСР, 1961 (далее: «ДБХ»).

¹¹ См.: Шевченко Ф. П. Дипломатична служба на Україні під час Визвольної війни 1648 — 1654 pp. — В кн.: Історичні джерела та їх використання. — Київ: Наук. думка, 1964, вып. 1, с. 81—113; Барабой А. З. Чому Богдан Хмельницький самотитулювався по різному? — УІЖ, 1971, № 2, с. 70—74; Кучернюк М. Ф. Джерела про російсько-українські політичні зв'язки в роки Визвольної війни українського народу (1648—1654). — Львів: Вища школа, 1980, с. 34—76.

¹² См.: Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. — М.: Наука, 1978; Кобрин В. Б. К вопросу о репрезентативности источников по истории феодального землевладения в Русском государстве XV—XVI вв. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М.: Наука, 1973, вып. 1, с. 171—187; Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. — М.: Наука, 1970; Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. — М., 1977; Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. — Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1976; Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. — М.: Наука, 1973; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, ч. 1; Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. — В сб.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М.: Наука, 1969, с. 7—58. (На работы Л. Н. Пушкарёва и И. В. Степанова ссылки сделаны выше).

¹³ См.: Голобуцкий В. А. Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. — Киев: Изд-во АН УССР, 1962; Степанков В. С. Социальная политика гетманской администрации в годы освободительной войны украинского народа (1648—1654 гг.) и борьба против нее крестьянства и казацкой гольтыбы. — История СССР, 1979, № 3, с. 71—84.

¹⁴ См.: Ковальський Н. П. Источниковедение истории Украины (XVI — первая половина XVII в.). — Днепропетровск: ДГУ, 1977—1979, ч. 1—4; Он же. Источники по истории Украины XVI—XVII вв. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА. — Днепропетровск: ДГУ,

1979; Швидько А. К. Анализ источников по социально-экономической истории Левобережной Украины (вторая пол. XVII — первая пол. XVIII в.). — Днепропетровск: ДГУ, 1981.

Глава I

- ¹ АЗР. СПб., 1853, т. 5, № 33, с. 89.
- ² Kwartalnik historyczny, 1963, t. 70, cz. 4, s. 990—993.
- ³ См.: Грицкевич А. П. Універсал Богдана Хмельницького місту Слущку (1656 р.). — УІЖ, 1970, № 12, с. 92—93.
- ⁴ См.: Бутич І. Л. Невідомий універсал Богдана Хмельницького. — ПУ, 1970, № 4, с. 34—35. (Опубликована лишь фотокопия документа).
- ⁵ См.: Мыцык Ю. А. Новые документы Б. Хмельницкого об антифеодальной борьбе народных масс на Украине и социальной политике гетманской администрации в период Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. — В сб.: Актуальные проблемы аграрной истории Украины. Днепропетровск: ДГУ, 1980, с. 183—184.
- ⁶ ВГА, СР, № 41, л. 148. Реляция Мысловского, посла Я. Радзивилла, к Хмельницкому (от 21/III 1651 г.); Крип'якевич І. П. До питання про авторство листів Богдана Хмельницького. — Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР, 1964, № 3, с. 18—21.
- ⁷ БАН. ОР, 4.7.25, л. 377—382.
- ⁸ ПРП. — М.: Госиздат юридической литературы, 1955, вып. III, с. 306.
- ⁹ См.: Крип'якевич І. П. Студії над державою Богдана Хмельницького. IV. Гетманські універсали. — ЗНТШ. Львів, 1927, т. 147, с. 55—64. Эту работу высоко оценил известный советский историк Н. Н. Пегровский в своей рецензии: См.: Україна, 1927, кн. 6, с. 180.
- ¹⁰ См.: Каштанов С. М. Очерки..., с. 26—47; Крип'якевич І. П. Студії..., с. 56—57.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: Грамоты князя Витовта, опубликованные в АЛРГ, № 1—9, 25.
- ¹³ См.: Каштанов С. М. Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.). — Археографический ежегодник за 1974 год. — М.: Наука, 1975, с. 94—117.
- ¹⁴ См.: Грамоты XIV ст. — Київ: Наук. думка, 1974, № 1—5.
- ¹⁵ ПҚК. — 2-е изд. — Киев, 1698, т. 1, отд. 1, № 12, с. 421. Таким же образом этот универсал был подтвержден позднее сыном Б. Хмельницкого — Юрием.
- ¹⁶ Там же, с. 406, 429.
- ¹⁷ См.: Там же, с. 391, 412.
- ¹⁸ См.: Крип'якевич І. П. Студії..., с. 57—58; Шевченко Ф. П. Дипломатична служба..., с. 81—113; Барабой А. З. Чому Богдан Хмельницький самотитулувався по-різному? — УІЖ, 1971, № 2, с. 70—74.
- ¹⁹ ПҚК, т. 2, отд. 1, с. 418. Подписал универсал также генеральный писарь Сава Гробневский.
- ²⁰ АЮЗР. — Киев, 1863, ч. III, т. 1, № 48, с. 356—358.
- ²¹ Там же, № 5, 11, 13, 55; Документы об Освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. — Киев: Наук. думка, 1965, № 157.
- ²² ПҚК, т. 1, отд. 2, № 4, с. 143—146; АЮЗР, ч. III, т. 1, № 60.
- ²³ Dokumenty do dziejów Kujaw i ziemi Dobrzynskiej XIV—XIX w. Warszawa — Poznań, s. 31.
- ²⁴ АЮЗР, ч. III, т. 1, № 74, с. 268—271.
- ²⁵ См.: записи епископов А. Винницкого, И. Кононовича-Горбацкого от 22—23/VII 1650 г. (ПҚК, т. 2, отд. 1, № 19, 20).

²⁶ Грамоты XIV ст., № 9, с. 25—25; См. также: грамоты Витовта (1382 г.), Дмитрия-Корыбута (1388 г.), Олега Ивановича, князя рязанского (1393 г.), Сигизмунда I (1514 г.) и др. (Там же, с. 61, 84, 118, а также АЛРГ, с. 2—3, 158—159 и др.).

²⁷ АЮЗР, ч. III, т. 1, № 42, с. 333—337; Ковальский Н. П. Источники по социально-экономической истории Украины. — Днепропетровск: ДГУ, 1982, с. 79—80.

²⁸ Грабовецкий В. В., Гавриленко В. О. Невідомий універсал і найдавніша козацька печатка гетьмана Григорія Лободи з 1595 р.—В сб.: Середні віки на Україні. Київ: Наук. думка, 1971, вип. 1, с. 205—206.

²⁹ АЛРГ, № 14, 17, 24; АЮЗР, ч. III, т. 1, № 57, с. 196—197.

³⁰ ПКК, т. 2, отд. 1, № 2—6, 8, 16, 18; т. 1, № 10, 11.

³¹ АЮЗР, ч. III, т. 1, № 42, 72.

³² Там же, № 45, с. 152.

³³ Там же, № 75, 83.

³⁴ См.: Крип'якевич І. П. Студії..., с. 59—60 (имелись в виду универсалы под № 83, 131, 462); Каштанов С. М. Очерки..., с. 56—57.

³⁵ Лазаревский А. М. Акты по истории землевладения в Малороссии. — Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1890, кн. 4, № 152, с. 101—102.

³⁶ БН. Отдел микрофильмов, № 47049. «Relazione della presa della gallega...» Roma, 1643.

Восстание невольников на турецкой галере 1642 г. не следует путать с аналогичным восстанием 1627 г. См.: Мицик Ю. А. Цінна історико-літературна пам'ятка XVII століття. — Всесвіт, 1980, № 10, с. 201, 202.

³⁷ См.: Крип'якевич І. П. Студії..., с. 60—61.

³⁸ АЮЗР, ч. III, т. 1, с. 264.

³⁹ Кревецкий І. Універсал Ганни Хмельницької. — ЗНТШ. Львів, 1906, т. 69, с. 167—168. (Универсал был издан в Чигирине 1/VIII 1655 г.).

⁴⁰ См.: Мыцк Ю. А. Новые..., с. 183—184.

⁴¹ См.: Крип'якевич І. П. З козацької сфрагістики. — ЗНТШ. Львів, 1917, кн. 123—124, с. 1—16. Имеется также другая, правда, довольно слабая работа: Фоменко В. Г. Військові печатки запорожців. — Історичні джерела та їх використання. Київ: Наук. думка, 1972, т. 7, с. 152—160.

⁴² См.: Крип'якевич І. П. Студії..., с. 61—62.

⁴³ См.: Грабовецкий В. В., Гавриленко В. О. Указ. соч., с. 206; АГАД, АЗ, № 3036, л. 1. (Универсал Федора Полоуса, 1598 г.).

⁴⁴ Указанные документы хранятся в оригинале в АГАД, АЗ, № 306.

⁴⁵ Там же, № 3036, л. 88—94. В этом сборнике, в одном из документов (л. 36(61)) содержится уникальное известие, датированное 3/IV (24/III) 1624 г. (во всяком случае не ранее 1624 г.) В нем сообщалось, что 2 апреля (23 марта) «Бородавка гетман казакский, умер, на место которого избрали себе (они) некоего Дорошенко», т. е. Михаила Дорошенко. Это сообщение дает серьезные основания полагать, что Яцко Бородавка не был казнен по приказу П. Конашевича-Сагайдачного во время Хотинской войны 1621 г. Казнь, вероятно, была лишь инсценирована для того, чтобы удовлетворить правящие круги Речи Посполитой и спасти жизнь бывшему гетману — стороннику антипольской ориентации.

⁴⁶ АГАД, АЗ, № 3036, л. 117.

⁴⁷ ПКК, т. 2, отд. 2, с. 420—421.

⁴⁸ Там же, № 11, с. 414.

⁴⁹ Там же, с. 96; Документы..., с. 408 (универсал Яна Казимира, 1651 г.); АЮЗР, ч. III, т. I, № III, с. 31 (универсал Сигизмунда III, 1598 г.).

⁵⁰ АЛРГ, № 181.

⁵¹ Грамоты XIV ст., с. 10, 14, 19, 38, 22.

⁵² Акты Русского государства. 1505—1526 гг. — М.: Наука, 1975, с. 255.

⁵³ АЛРГ, с. 66. (Можно привести немало иных примеров corroborации такого рода в документах великих князей литовских (см. с. 206, 211 и др.).

⁵⁴ См.: Каштанов С. М. Очерки..., с. 43.

⁵⁵ При распределении универсалов и приказов Хмельницкого по группам и подгруппам мы руководствовались схемой, изложенной в книге: Пронштейн А. П. Указ. соч., с. 51—57. Отметим, что попытки провести классификацию документов Хмельницкого предпринимались и ранее. См.: Ткач Ф. Є. Уваги до документів канцелярії Богдана Хмельницького (1648—1657 рр.). — В сб.: Наукові записки Львівського педагогічного інституту. Серія філолог. Львів, 1955, вип. 1, с. 31—33.

⁵⁶ Grabowski A. Ojczyście spominki. Krakow, 1840, t. I, s. 85—86; 1845, t. 2, s. 131.

⁵⁷ ВГА, СП, I. т., 363, л. 721.

⁵⁸ См.: Буганов В. И. Прокламации С. Т. Разина и его сподвижников — памятник идеологической борьбы в годы второй Крестьянской войны в России. — В сб.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.: Наука, 1974, с. 290.

⁵⁹ ДБХ, прил., № 3, 4; Степанов И. В. Указ. соч., с. 9.

⁶⁰ См.: Степанов И. В. Указ. соч., с. 14.

⁶¹ См.: Буганов В. И. Указ. соч., с. 287—306; Овчинников Р. В. Из опыта реконструкции утраченных документов (на примере указов и манифестов Е. И. Пугачева). — В сб.: Источниковедение отечественной истории. 1975. М.: Наука, 1976, с. 222—247.

⁶² Документы..., № 141, с. 376; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: В 3-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1954, т. 3, № 13, 116, с. 25, 223—224.

⁶³ См.: Каталог документів з історії Києва XV—XIX ст.—Київ; Наук. думка, 1982, с. 66—70; О гетманских универсалах, выданных городу Киеву. См. также: Шамрай Г. Стація в лівобережних містах XVII віку. — Науковий збірник за рік 1927. — Київ, 1927, с. 39—43; Історико-географічний збірник. — Київ, 1928, т. 2, с. 23—32.

⁶⁴ ЦНБ, ОР, П. 535/1763 С., л. 131 об. — 133.

⁶⁵ См.: Єфимовський В. До історії військового суду та земельних відносин на Україні за Хмельниччини. — Науковий збірник за 1927 р., с. 27—35; Крип'якевич І. П. Підробки документів Богдана Хмельницького. — Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР, 1960, № 3, с. 3—8.

⁶⁶ См.: Степанков В. С. Указ. соч., с. 74—78.

⁶⁷ См.: Крип'якевич І. П. Богдан Хмельницький..., с. 286—293, 330—333.

⁶⁸ См.: Голобуцький В. О. Соціально-економічна політика гетманської адміністрації. — УІЖ, 1979, № 1, с. 27; Крип'якевич І. П. Богдан Хмельницький..., с. 330—333.

¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее: Акты ЮЗР), т. 10, с. 438—484. «11 статей» были перепечатаны в более доступном издании: Воссоединение..., т. 3, № 245.

² Воссоединение..., т. 3, № 245, с. 560—565.

³ Там же, № 249; Акты ЮЗР, т. 10, № 8, с. 489—502; Перетц В. Н. Грамота царя Олексія Михайловича кївським міщанам. — ЗІФВ. Київ. 1923. т. 2—3, с. 114—124.

⁴ Воссоединение..., т. 3, № 247, 248, 251.

⁵ Там же, № 239.

⁶ ПКК. — 1-е изд. — Киев, 1853, т. 3, № 15.

⁷ Воссоединение..., т. 3, № 249; Акты ЮЗР, т. 10, № 8, с. 489—502.

⁸ Воссоединение..., т. 3, с. 562—563.

⁹ См.: Петроський М. Н. Нариси з історії України.—Київ, 1940, вип. 4, с. 200—211; Крип'якевич І. П. Богдан Хмельницький..., с. 465—487; Шевченко Ф. П. Політичні..., с. 495—499; Кучернюк М. Ф. Джерела..., с. 135—149; Голобуцкий В. А. Дипломатическая..., с. 349—354.

¹⁰ Осинов К. Богдан Хмельницкий. — М.: Изд-во Молодая гвардия, 1939, с. 360.

¹¹ Касименко О. К. «Березневі статті» 1654 р. — Радянська енциклопедія історії України. Київ: Головна редакція Української Радянської енциклопедії, 1969, т. 1, с. 125.

¹² Історія Української РСР: В 8-ми т. — Київ: Наук. думка, 1979, т. 2, с. 74.

¹³ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.). — М.: Госполитиздат, 1954, с. 10—11.

¹⁴ Акты ЮЗР. — СПб., 1861, т. 3, № 303, с. 415—416.

¹⁵ Там же, т. 10, с. 453—469; ПКК, т. 2, отд. 3, с. 565—566; АЮЗР, ч. III, т. 4. — Киев, 1914, № 162, с. 328; с. 387—388.

¹⁶ ПКК, 2-е изд., т. 1, отд. 3, № 43, с. 364—365; Акты ЮЗР, т. 3, № 303, с. 413—415.

¹⁷ См.: Петровський М. Н. Нариси..., с. 123—127.

¹⁸ Шевченко Ф. П. Політичні..., с. 165.

¹⁹ ВГА, СР, № 59, л. 99. Автор одного из публицистических произведений Речи Посполитой, рассматривая вопрос о возможной ратификации сеймом Зборовского договора, высказывал опасение, что повстанцы возьмут пример с Нидерландов, которые, как известно, в ходе буржуазной революции сбросили испанское иго (БВУ, ОР, АКС. 1949/440, с. 409).

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 18.

²¹ Обычно источники, вышедшие из враждебного повстанцам лагеря, не принимают во внимание «челядь», которая воевала наравне с профессиональными военными и посполитым рушением. Что касается сил повстанцев, то учитывались все способные носить оружие. Отсюда значительные погрешности в современной литературе, многие авторы определяют численность польско-литовских войск в 70 тыс. человек. Лишь королевский секретарь А. Мясковский в своем «Секретном и правдивом донесении», предназначенном лишь для короля, приводит правдивые цифры: 210 тыс. человек лишь челяди. Если добавить сюда численность профессиональных военных, то получится почти 300 тыс. человек (См.: ПАН. ОР, № 2253, л. 88).

²² АЮЗР, ч. III, т. 4, с. 624.

²³ ПАН. ОР, № 2253, л. 92 (Ответ повстанцев передан нами в несколько сокращенном виде).

- ²⁴ Там же, л. 89.
- ²⁵ Текст договора помещен в ПКК, т. 2, отд. 3, № 16, с. 598—600.
- ²⁶ Rudawski W. J. Historia Polski od smierci Wladyslawa IV. Petersburg, 1855, t. I, s. 117; АЮЗР, ч. III, т. I, № 101.
- ²⁷ См.: Заборовский Л. В. Крымский вопрос по внешней политике России и Речи Посполитой в 40 — середине 50-х годов XVII в. — В сб.: Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М.: Наука, 1979, с. 261.
- ²⁸ Воссоединение..., т. 2, с. 120.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ ВГА, СП, I. t. 363, с. 455—456.
- ³¹ Szajnocha K. Dwa lata dziejów naszych. Lwów, 1882, t. 2, s. 16.
- ³² Акты ЮЗР, т. 3, № 243.
- ³³ Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. — М.: Наука, 1976, с. 264.
- ³⁴ ПКК, т. I, отд. 3, № 29.
- ³⁵ Крип'якевич И. П. Богдан Хмельницкий..., с. 407.
- ³⁶ ВГА, СП, № 41, л. 147.
- ³⁷ Воссоединение..., т. 3, с. 208—210, 244—247, 261—262.
- ³⁸ Акты ЮЗР, т. 10.
- ³⁹ Воссоединение..., т. 2, № 47; ПАН ОР, № 2253, л. 82—92 об., Отвертки из дневника Станислава Освенцима, относящиеся к истории Южной Руси 1643—1651. Киев, 1883; ВГА, СП, № 41, л. 147—154.
- ⁴⁰ В данном случае мы исходили из определений, содержащихся в статье: Кононенко Л. М. Проблема классификации западноевропейского частного акта. — В сб.: Проблема источниковедения западноевропейского средневековья. Л.: Наука, 1979, с. 122.
- ⁴¹ Буцинский П. Н. О Богдане Хмельницком. — Харьков, 1882, с. 185—186.
- ⁴² АЮЗР, ч. III, т. 3, № 24.
- ⁴³ См.: Бутич Л. Л. До історії українсько-трансільванських зв'язків (1648—1656). — АУ, 1966, № 3, с. 67—70.
- ⁴⁴ АГАД, АР, отд. VI, № 36.
- ⁴⁵ См.: Мыцык Ю. А. Три письма..., с. 45—47; Он же. История..., с. 157.
- ⁴⁶ См.: Кучернюк М. Ф. Джерела..., с. 38—62.
- ⁴⁷ См.: Мыцык Ю. А. Немецкая печатная релiquия 1649 г. об Освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. — Вопросы германской истории. Историографические проблемы германской истории в новое и новейшее время. Днепропетровск: ДГУ, 1980, с. 139.
- ⁴⁸ Так, в «ДБХ» типичный «проезжий лист» (173) обозначен как «проезжий универсал». В большинстве же случаев «проезжие листы» обозначались в «ДБХ» как письма.
- ⁴⁹ ЦГИАЛ УССР, ф. 52, оп. 2, № 65, с. 736—771.
- ⁵⁰ ВГА, АС, № 86, л. 36 (письмо Л. Сангушко к Л. Санеге от 24/VI 1648 г.).
- ⁵¹ Веселовский С. Б. Указ. соч., с. 219—220.
- ⁵² См.: История Югославии. — М.: Изд-во АН СССР, 1963, т. 1, с. 310.
- ⁵³ ДБХ..., с. 117.
- ⁵⁴ ВГА, СП, № 41, л. 148.
- ⁵⁵ Там же, л. 28.
- ⁵⁶ «Оссолинеум» (Вроцлав). ОР, № 5656 II, л. 62.
- ⁵⁷ ЦНБ, ОР, № II. 411/372 С.
- ⁵⁸ Там же. П 535/1763 С; ЦГИА УССР, ф. 169, оп. 6, № 6; оп. 7, № 1. См. жалобу Золотоверхого женского монастыря (1788 г.), в которой монахини требуют возвращения им сел, пожалованных Хмельницким (400)

и захваченных впоследствии соседними монастырями (ЦГИА УССР, ф. 169, оп. 6, № 3—6). См. также: Лебединцев П. А. Киево-Софийский кафедральный собор. — Киев, 1890, с. 26.

⁵⁹ См.: Мыцык Ю. А. Новые документы..., с. 175—185.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

№ 1

1649 г., около 24 февраля.

*Проект мирного соглашения с Речью Посполитой
«Казацкие пункты»*

1. Чтобы уния была уничтожена и оставались религии только двух законов, как их сами называют: католическая римская и старая греческая.

2. Чтобы прежде всего был выдан Чаплинский как виновник войны и зачинатель раздора.

3. Чтобы князь Вишневецкий был отставлен от гетманства, так как казаки не могут с ним ни хорошо жить, ни терпеть его на Украине.

4. Чтобы архимандрит* киевский заседал с сенате вместе с королем так как из числа светских лиц (уже) имеют сенатора, а из духовых не желают никого иного, кроме его (С. Косова. — Ю.М.).

5. Чтобы воевода киевский был назначен из числа лиц их религии, так как предшествующий (Я. Тышкевич. — Ю.М.) причинил большие обиды, введя в Киев назло русинским школам иезуитов, которых мы там не желаем терпеть. С прочими [католическими] монахами мы готовы примириться, но эти должны быть исключены из государства.

6. Чтобы коронные войска, а также Великого княжества Литовского, не заходили далее Каменца. В свою очередь, наши (войска) должны остановиться у Случи. Границей является Горынь. Если кто-либо с любой стороны позволит себе нарушить мир, то за это он должен поплатиться жизнью.

7. Из-за истощенности лошадей и нехватки корма для них мы не сможем быстро составить всеобщий реестр Войска Запорожского численностью в 12 000 воинов(?) и постановляем отложить (его представление) до зеленых праздников русинских. Лишь тогда, когда взойдут травы, подготовим лошадей и покажем комиссарам, назначенным е. к. м., люстрацию данного компута.

Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского его королевской милости».

(БЯ. ОР, № 90, л. 36/Пер. с польск.).

№ 2

1649, не позднее 24 мая. Чигирин. — Письмо к А. Киселю с требованием не нарушать условий перемирия польско-шляхетскими войсками.

«Ясновельможный м. пан воевода.

Утешило меня известие, [полученное] от в. м. м. пана о том, что (королевские. — Ю. М.) хоругви должны были остановиться перед линией. Теперь же, (свежим. — Ю. М.) известием о том, что [хоругви] приближаются к Брацлаву, видимо желают нас утратить. Господа своего призываю в свидетели, что остаюсь верным в подданстве и ни о каких делах не помышлял. Но из известие, которое писано в. м. м. паном, что якобы хоругви отступают, лучше всего нам ответить отправкой своих послов (на мирные переговоры. — Ю. М.). Если же они не отступают, то нам трудно будет отправлять [своих послов]. Что касается тех преступников, о которых

* Ошибка. Должно быть: «митрополит».

в. м. м. пан часто пишешь к нам, то уже четверо казнены, из чего каждый легко усмотрит прочный мир во всем. Подробнее не пишу в. м. м. пану и только прошу, чтобы в. м. м. пан заботился о целости отчины и чтобы не шел против своей совести. [Получив от в. м. м. п.] известие, я не приказал двигаться своим полкам, но если хоругви не отступят, прикажу [своим войскам] пребывать в полной готовности.

При этом отдаю свои услуги.

В Чигирине.

В. м. м. м. пана доброжелательный приятель и слуга Богдан Хмельницкий».

(ВГА. Собрание Русецких, № 31, с. 247. Копия/Пер. с польск.).

№ 3

1650, январь — март (?). — Условия мирного соглашения, изложенные в послании Б. Хмельницкого к польскому королю Яну Казимиру.

«Пункты

1. [Хмельницкий] требует в письме у короля е. м., чтобы ему тот, на кого жалуются, был ему сразу же выдан, так как он [сам] чинит суд над своими казаками, как и сейчас, когда пяти хлопам отрубили головы в Киеве, а меньших (нарушителей Зборовского мира. — Ю. М.) приказал отдать на суд полковников.

2. Условие. Чтобы никто из шляхты, панов римской веры не пытался схватить за линию, а на свои места посылали бы слуг своих, и то русинов.

3. Чтобы полностью прекратили взимание поборов со своих подданных, и до тех пор, пока не вернутся его послы из Варшавы, довольствовались бы лишь доходами с шинков и мельниц.

4. Чтобы никакие королевские войска не заходили далее Буга, кроме тех, что остаются в Хмельнике и в Баре.

5. Чтобы никто из монахов, проживающих в Киеве или любом ином месте за линией, не пытался отправлять церковные таинства. Это не позволено им делать нигде, за исключением замкового костела в самом Киеве».

(ВГА. Собрание Русецких, № 31, л. 84. Копия, приводимая в письме Жечицкого к львовскому подчашему от 6/IV 1650 г., из Переворска/Пер. с польск.).

№ 4

1650, декабрь (?). Чигирин (?). — Письмо к А. Киселю о необходимости сохранения мира.

«Господь бог свидетель тому, что я не раз вместе с в. м. обливался кровавыми слезами, сожалея о христианской крови, которая из-за особенного ожесточения проливалась до сих пор. Теперь, поскольку в. м. м. пан изволишь обещать мир письменно, я, со своей стороны, если не будет никакой оказии от панов поляков, прикажу (своим войскам. — Ю. М.) вести себя самым скромным образом; так, словно заключенный мир ни в чем не был нарушен. Если же пп. поляки забудут о мире, заключенном под Зборовом с [нашим] войском, то, призывая на помощь господя, будем стремиться к тому, чтобы мир был настоящим и того, что нам королем е. м. дано, придерживались [пп. поляки]. Уведомил в. м. о своем возвращении спустя год (?), которого ожидая, мы весьма утешались. Самое

главное, чтобы был постоянный мир и правда победила. А то здесь каждый раз (нам представители Речи Посполитой. — Ю. М.) о мире сообщают, а в чужеземные государства посылают различные посольства, замышляя против нас. Итак, я в Читирине ожидаю милости е. к. м. и никаких войск не собираю.

Усердно отдаюсь при том милости в. м. м. м. п.

Богдан Хмельницкий, гетман великий В[ойска] Запорожского*».

(ВГА. Собрание Русецких, № 31, л. 229. Копия/Пер. с польск.).

№ 5

1651, сентября 3 (августа 23). Лагерь под Белой Церковью. — Письмо к А. Киселю с просьбой о содействии в заключении мира.

«Мы, как и прежде, не сидя на двух деревьях, просили в. м. м. пана, так и теперь просим, чтобы в. м. м. пан изволил использовать свой сенаторский авторитет и побудил их м. м. панов гетманов (Н. Погощкого и М. Калиновского.—Ю. М.), н. в. милостивых панов к тому, чтобы больше не проливалась христианская кровь с обеих сторон; чтобы желанный святой мир, благодаря усилиям н. в. м. пана, как можно скорее был заключен. Нам хорошо известно, что в. м. м. м. п. имеешь частые новости, как из Крыма, так и из Стамбула. Мы же не имеем никаких новостей. Однако все это опускаем и вторично н. м. пана просим, чтобы изволил надежным посредничеством успокоить христианство.

Затем с покорной нашей службой усерднейше отдаем свои униженные услуги в. м. м. пану.

Дан из великого лагеря 23 августа, г[ода] 1651.

В. н. м. пана и благодетеля зливый покорнейший слуга Богдан Хмельницкий с Войском е. к. м. Запорож[ским]».

(ВГА. Собрание Пиноци. № I. t. 363, с. 635. Копия/Пер. с польск.).

№ 6

1651, сентября 17(7). Из лагеря, под Белой Церковью(?). — Письмо к А. Киселю касательно условий Белоцерковного мира.

«Ясновельможный м. пан в[оево]да киевский, мой весьма м. пан и брат.

Верный труд в. н. м. пана видно госуду богу и всему свету: в. м. пан прилагаешь очень большие усилия к тому, чтобы христианская кровь не противалась. Как и у нас, так и на стороне в. м. добрым (т. е. сторонникам мира. — Ю. М.). много злого говорят, но те силы с обеих сторон были побеждены (?)**. Теперь же в. м. м. пан изволь потрудиться до конца и изволь послушать моего совета. [Нужно] безотлагательно установить мир таким способом, чтобы войска в. м. м. панов и наши разошлись и их м. пп. комиссары начали заседать в срок, установленный в. м. н. паном. В. м. н.

* Тексту письма в рукописи предшествует заголовок: «Копия письма Богдана Хмельницкого к его милости пану воеводе киевскому». В конце письма сделана приписка копииста: «Хан советует Хмельницкому, чтоб тот покорился и не собирал войско против Речи Посполитой».

** Из-за того, что одно слово написано крайне неразборчиво, несколько неясен смысл окончания данного предложения.

пану хорошо известно, что покойный, славной памяти п. Жолковский с Сагайдачным без кровопролития обошлись, а, учинив соглашение, не сразу, а лишь позднее сделали выпись (из реестра. — Ю.М.). Так и в.м.н.м. пп. постарайтесь теперь, чтобы не гибнуть обоюдно. А я клянусь богом, единым в Троице, что искренне склоняюсь к миру. А кто бы не желал этого мира, пусть того покарает бог, а я делаю [все] так, чтобы было наилучшим образом. Что в.н.м.п. поручил е.м. пану Нахорецкому, все выслушали. Но теперь, перед этим бунтом, ничего не можем учинить, лучше это сделать медленнее, когда все разойдутся, о чем подробнее мы поручили [передать] нашим посланцам. Изволь в.м.м. пан как можно скорее сделать так, чтобы мы безопасно смогли пребывать в мире обоюдном. Пусть же изволят и их м.пп. комиссары съехаться на определенное место, то есть к Белой Церкви, и то, что нужно, будет основательно постановлено. К тому же, как сам в.м. знаешь, нам биться [следует] не за чужих подданных и хлопот, а за свои вольности. Посылаю это письмо к в.м.м. пану, прошу, чтобы в.м.м. пан изволил как можно быстрее довести это дело до успешного конца. Будучи уверен, что в.м.м. пан изволит проследить [за этим делом] и приложить [к нему] усилия. Отдаюсь при этом усерднейшим образом со своими услугами милости в.м.м. пана.

Из лагеря, 7 сентября, 1651.

В.м.м.м. пана во всем доброжелательный брат и слуга Богдан Хмельницкий, гетман Войска е.к.м. Запорожского».

(ВГА. Собрание Пиноцци, № I. т. 363, с. 635—636. Копия/Пер. с польск.).

№ 7

1651, сентября 17 (7). Из лагеря, под Белой Церковью (?). — Письмо к А. Киселю с просьбой похлопотать о заключении мира.

«Ясновельможный м.пан в[оево]да киевский, наш весьма м.пан и благодетель.

Хотя е.м. пан Нахорецкий возвращается от нас к в.м.м. пану после условленного срока, зато с окончанным [делом], которое мы нашим посланцам полностью поручили. Просим в.м.м., чтобы в.н.м. пан и благодетель изволил не только не прекращать свои неустанные труды ради с[вятой] веры и христианской крови, но и использовал свой сенаторский авторитет и побудил е.к.м. (Яна Казимира. — Ю.М.), н.м. пана и всю Речь Посполитую к тому, чтобы, оставив кровопролитие, изволили принять нас к своей милостивой милости. Мы со своей стороны, искренне склоняемся и лишь просим, чтобы в.м.м. пан как можно быстрее довел это дело до эффекта; чтобы мы, дождавшись желанного мира, вместе восхваляли всевышнего. Полагаясь на с[вятой] маестат господя бога и на рассудок в.м.м. пана, покорнейше отдаемся милости в.м.м. п.

Дан из лагеря 7 сентября 1651.

В.м. нашего пана и благодетеля искренний и нижайший слуга Богдан Хмельницкий с Войском е.к.м. Запорожским».

(ВГА. Собрание Пиноцци, № I. т. 363, с. 636—637. Копия/Пер. с польск.).

№ 8

1652(?), август (?). — Условия мирного соглашения с Речью Посполитой изложенные в послании Б. Хмельницкого к молдавскому господарю В. Лупу.

«Пункты от гетмана Войска Запорожского [и] господарю его милости Войско Запорожское ни в коей мере не избегает мира, желанного* для обеих сторон. Более того, оно всецело склоняется к его укреплению на предлагаемых условиях.

Прежде всего, чтобы православные церкви, которые находятся в Короне [Польской] и в Великом княжестве Литовском и которые были захвачены униатами, должны быть все возвращены [православным].

Е. м. король должен дать права и вольности Войску Запорожскому согласно условиям Зборовского мира, ничего не упустив из того, что говорилось в этих условиях. Их мм. пп. сенаторы и вся Речь Посполитая не должны мстить своим подданным, так как нынешний мир был нарушен не из-за них, а по вине другой стороны, так как (польская шляхта. — Ю. М.) не позволяла казакам покидать свои владения, притесняла и убивала их.

В Польше (точнее Речи Посполитой. — Ю. М.) под властью Войска Запорожского должно находиться такое количество украинских земель, как сказано в условиях Зборовского мира: начиная от Днестра вплоть до Днестра, а от Днестра вплоть до границы московской...».

(ВГА. Собрание Русецких, № 41, л. 215—216. Копия/Пер. с польск.).

№ 9

1652, сентября 9 (августа 30). Чигирин.—Письмо к А. Киселю относительно места и времени переговоров.

«Ясновельможный м. пан воевода киевский, мой милостивый пан и благодетель.

Издавна в. м. м. м. п. был блажелателен ко всем нам и Войску Запорожскому, что и теперь засвидетельствовано письмом в. м. м. м. п. Очень прошу в. м. м. м. п., чтобы мы ощущали это расположение к себе до конца. За этой милостью, которой в. м. м. м. п. не жалеешь своего труда для е. к. м., пана нашего милостивого (здесь опущено несколько слов. — Ю. М.) изволил ласково укорять за мое невинное оскорбление. Призываю в свидетели самого господа, что это произошло не по нашей вине. Сам в. м. м. м. п. можешь засвидетельствовать, что я не желал более кровопролития и рад был бы пребывать в мире. Изволишь писать ко мне, в. м. м. м. п. касательно места заседаний комиссии. Я не нашел места лучшего, нежели Переяслав. Теперь изволь постараться в. м. м. м. п., чтобы эта комиссия состоялась без большого скопления войск, таким образом, как и в первый раз**, т. е. только с в. м. м. м. п. и с иными их милостями (комиссарами. — Ю. М.). На все, что будет признано необходимым е. к. м. и Речью Посполитой, соглашаюсь. Желал я себе того, чтобы при этом Белоцерковском соглашении и при настоящем мире пребывать. И теперь желаю себе того, чтобы получил милость е. к. м. и наступил настоящий мир благодаря [труду] в. м. м. м. п. Не изволь в. м. м. м. п. быть в претензии ко мне из-за того, что я отложил эту комиссию на неделю после святого покрова***. Сам в. м. м. м. п. хорошо знаешь, что у меня сейчас имеются трудности

* Сверху дописано: «поданного».

** Имеются в виду мирные переговоры в Переяславе, происходившие в феврале 1649 г.

*** Религиозный праздник Покров богородицы у православных приходится на 14 октября. Следовательно, переговоры должны были начаться не ранее 21 октября 1652 г.

со свадьбой моего сына*. И вторично просим в. м. м. п., чтобы в. м. как сам милостиво обещал, изволил приложить свой авторитет к тому, чтобы е. к. м. был ласков к нам, наипокорнейшим слугам. К маестату е. к. в. отдаюся усерднейшим образом со своей наипокорнейшей службой.

Из Чигирина, д[ня] 30 августа по старому календарю 1652 года.

В. м. м. м. пана и благодетеля покорный слуга и друг Богдан Хмельницкий, гетман Войска его к. м. Запорожского».

(ВГА. Архив Сангушко, № 67, с. 27. Копия/Пер. с польск).

№ 10

1653, 8 апреля (марта 29). Субботов. — Письмо к Янушу Кемени, главнокомандующему трансильванских войск относительно оомена посольствами.

«Сиятельныйший господин Кемени, господин и брат мой, заслуживающий всяческого почитания.

Объявляем, что жеманне посла светлейшего господина князя** достаточно подтверждено. Нас очень обрадовало и то, что ваше светлейшее достоинство и далее благосклонны к нам и сохраняет неизменную чистоту дружбы. Со своей стороны мы взаимно оплачиваем доброжелательностью и желаем, чтобы ваше светлейшее достоинство в течение многих счастливых лет [добилось] еще больших счастливых успехов.

Дан в Субботове, д[ня] 29 марта 1653 года.

Вашей сиятельнойшей [милости] друг, готовый к услугам Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского.

Адрес: «Досточтимому и высокородному господину Иоанну Кемени де Гиеро Монастор, советнику светлейшего князя Трансильвании, коменданту Фогарашской крепости и гарнизона, главнокомандующему войск и конной милиции двора, прафу графства де Альба, нашему г[осподину] и брату, заслуживающему всякого почитания».

(ЦГИА СССР во Львове, ф. 132, оп. 1, ед. хр. № 1. Оригинал/Пер. с лат.).

№ 11

Около августа 1653 г. — Письмо к королю Польши Яну Казимиру относительно установления мира.

«Найяснийший а пезвытяжоный монархо, кролю полский, пане [а] п[ане] а добродію н[а]ш велце м[и]л[о]стивый.

Припомнівши собі оног[о] с[ы]на марнотравного, же по вшеляком роспусті своем, а кгда скоро се в покору великую до отца своего удал, за разом его отец, яко м[и]лосердний будучи, до ласки своей принял. Тим же способом и я зо всім Войском удаются до м[и]л[о]стивой ласки в. кр. мл. и просячи покорне а унижоне, зебраючи ласкы и м[и]лосердя в. кр. мл. а нам проступство н[а]ше, щосмо против в. кр. м. згрішили, отпустит рач, а нас, яко отец и п[а]н милосердний до ласки своей принять рач. Затим, в чим маю за то, иж покорне и просьба унижена: все Войско місце отырает у в. кр. мл., а я зо вшистким Войском, яко пред тим был, так и те-

* Имеется в виду брак Тимоша Хмельницкого с дочерью молдавского господаря Василия Лупу — Домной-Роксандой.

** Дьердь II. Ракоци, князь Трансильвании (Семиградья) в 1648—1660 г.

пер, подданство иност звыкло отдават готов естем. Признаваю зо всім войском в. кр. мл. иж през н[а]ше непослушенство и немудрост утратилисьмо были ласку у в. кр. мл., але еднак в тим собі и всему войску добре тушачи, же в кр. мл. яко перед тым, так и тепер на нас, подданих своих, до ласки своей перше приявши, нам, яко п[а]ном отцем милосердным, без жадного укривжєня, любо то не за н[а]шим початком ся стало, все войско еднак зо мною послопу того отжаловат не можемо, яко пред тим, так и тепер подданство и вірност звыклу в. кр. мл. офіроват готов естем.

П[а]на [а] п[ана] н[а]шего мл. вірни и зичливи подданный».

(БАН СССР (Ленинград). ОР, 4.7.25, л. 371 об. — 372. Копия).

№ 12

Около августа 1653 г. — Письмо к Станіславу Р. Потоцкому, великому гетману коронному с просьбой о содействии.

«Ясневельможный мс. п[а]не гетмане коронный,

Пане а добродію н[а]ш велце мл.

Маючи запевне, же в. мс., н[а]ш мл. п[а]н каждого стану людий, в яких-колвек потребах любо долегливостях кто ся колвек до оброни в. мс., н[а]шого мл. п[а]на удает, звыклом ратоват, из наибольшей тоні водвигнути. Зачим и я в тим моим утрапеню по п[ану] б[о]гу до в. мс. н[а]шего мл. п[а]на утікаюся, унижєне а покорне ласки жебраючи, в чим нічого порожнего (?) и овшем надію добрую маючи (одно слово неразборчиво написано. — Ю.М.), любо просьба моя місце(?) міти буде у в. м. н[а]шего мл. п[а]на утікаются, унижєне а покорне ласки жебраючи, в чим нічого нагородою в. м. н[а]шего мл. п. буде, которого непрестанно просит буду, за такое добродієство в добрым здоровю веспол из ей мл. п. малженцѣ и з презацным потомсвом длуго фортуне ховат рачил.

В. мс. нашего велце мс. п. и добродія, слуга найнижший».

(БАН СССР (Ленинград). ОР, 4.7.25, л. 372—372 об. Копия).

№ 13

1656, февраля 16 (6), Чигирин. — Письмо к коронным гетманам Станіславу Р. Потоцкому и Станіславу Лянцкоронскому, а также польским комиссарам с обвинениями по адресу правителей Речи Посполитой виновных в агрессивной политике против Украины; с выражением надежды о заключении мира.

«Ясновельможные пп. гетманы коронные и ясновельможные пп. комиссары, наши весьма милостивые пп. и приятели.

Неоднократно отправляя мы ранее своих послов к е.к.м. и всему сенату с тем, чтобы не проливалась более христианская кровь, чтобы не радовались иностранные неприятели. Этого мы не смогли получить, но не потому, что таковой была воля е.к.м., а из-за советов (королю. — Ю. М.) некоторых, ожесточенных гневом, директоров Речи Посполитой. Они, невзирая на будущий упадок (Речи Посполитой. — Ю. М.) и [якобы] желая любви и дружбы, побуждали к этому и е.к.м., чему сам бог свидетель. И не мы виной тому, что сейчас происходит в Речи Посполитой. Всякий шляхтич, любящий правду, должен признать, что корону с главы господина (т. е. Яна Казимира. — Ю.М.) сняли не мы, но те люди, о которых в м. м. п. сами изволите хорошо знать. И теперь природный господин из-за их совета и неосмотрительности должен теперь отправиться в изгнание из

отечества*. Мы же с нашими силами никогда не оставляли его. Доверяя в милости е. к. м. и Речи Посполитой, мы вплоть до недавнего времени надеялись, что взаимно простив друг другу все былые дела, будем совместными усилиями давать отпор неприятелю. Но мы знали о советах некоторых из в. м. м. пп., а также их умысле: не прощать, а скорее уничтожить с корнем бѣдну** Украинну, которая всегда была щитом Короны Польской, мы должны были, призвав господа бога на помощь, о себе и о помощи для себя побеспокоиться. Хотя явно господу богу и всем народам, что господь бог из любви своей божественной и заботы к нам, даровал нам все успехи в военных делах. Не желая, однако, полного уничтожения отчизны, мы всегда возвращались с войсками и теперь не желаем какого-либо упадка Речи Посполитой. Союз с е. м. ханом крымским был установлен не для того, чтобы без разбора давать ему военную помощь, но лишь для того, чтобы [показать] кто нам неприятель, тот и хану е. м. [неприятель], а кто является неприятелем е. м. хану, тот и нам неприятель. Однако все дела могут с божьей помощью увенчаться успехом, если лишь одна любовь и доверительность укоренится в наших сердцах; старое же соперничество нужно выбросить из наших сердец. Из писем в. м. наших мы поняли, что вы учинили между собой конференцию. Это далеко святое и хорошее. Только дай боже, чтобы еще и между нашими войсками она установилась. Подробнее мы поручили проинформировать обо всем в. м. м. пп. на словах п. Голубу и п. Тыше. Извольте в. м. м. п. п. поверить тому, что они доложат по нашему поручению, а мы тем временем со своей старшиной и чернью учиним о том раду. Теперь же трудно из-за зимнего времени обезопасить в. м. м. пп., но у нас полная готовность. Ожидаем лишь некоторых вещей.

В это время отдаю свои услуги в. м. м. панству.

Из Чигирина, 6 февраля 1656 г.

(В. милостей, наших милостивых панов доброжелательный приятель и слуга Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского. Адрес: «Ясновельможным моим панам приятелям е. м. п. гетману коронному и е. м. гетману польному и их милостям п. комиссарам, моим милостивым панам отдать».

(Музей Чарторийских. ОР, № 2713, с. 175—176. Оригинал/Пер. с польск.).

№ 14

1656, марта 17 (7). Чигирин. — Письмо к минскому каштеляну с обвинениями по адресу правителей Речи Посполитой, виновных в развязывании войн; с выражением надежды на заключение мира.

«Нам всегда был сладок милый мир не только сам по себе, но даже [один только] звук этого слова. Бурное же немирное время подрывало силы, [порождало] недовольство. Знаем из различных иностранных примеров и из поговорки о том, что внутренний огонь (т. е. распря. — Ю. М.) является наиболее действенным искоренением всех государств и монархий. И нам доказывают это многие сеймы, на которых в противность нашей благожелательности к Речи Посполитой, не было

* Имеется в виду вынужденное бегство в октябре 1655 г. Яна Казимира в Силезию, входившую тогда в состав империи Габсбургов. Причиной бегства явились военные неудачи Польши и острый внутриполитический кризис во время «потопа» 1655—1657 гг.

** Это слово гетман написал по-украински латинскими буквами.

ничего иного, кроме осмеяния наших простых, но священных условий мира. В то же время проекты, порожденные высокомерными головами, часто подрывали продуманные и согласованные мирные договоры. Господь бог, не терпящий обид, принимаемых убогим людям, всегда потом оборачивал злые советы на головы хитрых Улиссов (Одиссеев. — Ю. М.), освобождал ноги своих простых слуг из охотничьих ловушек, согласно словам: «В яму, которую выкопаете своему брату, сам попадешь». С простотой отцовской сказал господь «изобилие не есть увеличение богатства» (?). То, что я хотел изложить в письме, написал, оставшиеся обиды нужно предать глубокому забвению и к добру, ниспосланному по моему разумению с неба, обратиться. Мы, как всегда, подтверждаем свои мирные намерения и не будем теперь сторониться мира на приемлемых условиях. Лишь бы всемогущий господь изволил проявить к нам [свою] благожелательность и все проекты, удовлетворяющие обе стороны, завершатся желанным результатом. Уверяем со [всей] нашей откровенностью, что мы как ранее избегали всевозможных ссор, так и теперь избегаем и сохраняем в целостности христианскую верность.

Усердно отдаюсь затем милости и расположению в. м. м. м. пана.

Из Чигирина, дня 7 марта 1656 г[од]а.

В кн. мил., м. м. п. благожелательный во всем приятель и слуга Богдан Хмельницкий, гетман Войск Запорожских».

(Музей Чарторыйских. ОР, № 2713, с. 179. Оригинал/Пер. с польск.).

№ 15

1656, 1 апреля (марта 22). Чигирин.—Письмо к Станиславу Р. Потоцкому, великому коронному гетману с мирными заверениями и в то же время с отказом помочь королю Яну Казимиру под предлогом трудностей весеннего времени и невозможности нарушить постановления Войска Запорожского.

«Ясно[вельможный] м. п. гетман великий кор[онный], м. м. п. и приятель.

Если бы кто-либо не желал себе мира, то счел бы такового или же не человеком или же слишком большим глупцом. Каждый должен признать, что мы всегда стремились к тому, чтобы и самим пребывать в милой мирной тишине и видеть отчизну в сладостном спокойствии. И теперь я не теряю надежды достичь того, лишь бы поскорее наступило с желанным счастьем лето, до которого мы отложили комиссию.

Что помощь однако послать не можем из-за определенных препятствий, это нам изволил простить е. к. м. Ведь если что постановлено с согласного всей старшины определения, то это нам нельзя нарушить приватным образом. Ее же воля была таковой, чтобы с моими(?) воздержаться (от оказания помощи. — Ю. М.) из-за нехватки продовольствия и голодного времени, а также непогоды. Нам же идти против всех трудно. Сам в. м. м. п. знаешь, что в этих краях, если что и делается без старших и младших рад, то оно не бывает как правило устойчиво, так как этот [порядок] войско укрепило даже обычаями. Поэтому нам показалось, что лучше задержаться [с помощью] на краткое время, чем оскорбить их сердца нарушением условленного постановления навлечь на себя неприязнь, создав препятствие для е. к. м. Ничего не случится, если дело и затянется, так как шведский король должен будет наверняка воздержаться от своих

замыслов из-за несвоевременных переправ, а нам тем временем предоставится [подходящее] время и погода для продолжения условленной комиссии.

Услуги и услуги и т. д.

Из Чигирина. Богдан Хмельницкий».

(Музей Чарторыйских. ОР, № 1656, с. 211. Копия/Пер. с польск.).

№ 16

1656, весна. — Письмо к великому коронному гетману Ст. Р. Потоцкому с отказом помочь Яну Казимиру под предлогом трудностей весеннего времени и нехватки прожанта.

«То, что всемогущий господь после долгой вражды между нами подает способы и оказию к союзу между нами, это утешение не только для меня, но и для всей здешней страны и Войску (Запорожскому. — Ю. М.). Меня же в особенности тешит при этом, что в. м. п. указываешь своим воззванием мне путь к любезному исполнению желания. Как я благодарен этому, сможет удостовериться каждый на деле, когда я постоянно своей учтивостью буду стараться [получить] милость и расположение в. м. м. м. пана и приятеля и буду выказывать свою учтивость при каждом удобном случае. Его к. м. (Ян Казимир. — Ю. М.) скорбит о том, что испрашиваемая помощь не подходит и не происходит [его] должного удовлетворения. Причина этого заключается, как легко соизволишь понять в. м. м. м. пан, заключается в неблагоприятном времени года, в весенней распутице и вызванных ею неудобствах переправ. С наименьшим основанием следует принять во внимание и нехватку продовольствия, что причинили ордынские нападения и ваших войск частые переходы, насолпившие этим краям. Все это, даст бог, поправится. Отложенная до лета комиссия учинит [нам] до поры некоторое огорчение, но эта проστрация может окончиться добрым исходом. В период времени, предшествующий трактатам, мы хорошенько обдумаем и видимо будем меть [более] частные оказии для контактов между собой. Не думаю, чтобы шведский король (Карл X Густав. — Ю. М.) получил необходимое для себя преимущество преследованием короля е. м. (Яна Казимира. — Ю. М.); особенно [теперь], весенним временем, когда трудны переправы и дороги и весьма тяжело снабжать войска. Изволь тогда в. м. м. пан быть убежден в моем распоряжении к Речи Посполитой и е. к. м. Как только наступит пора, позабочусь о том и учиню так, чтобы была обоюдной польза. И ведь при заседаниях их м. пп. комиссаров я непременно стоял за то, чтобы задуманное могло быть благочестиво завершено. Но так как теперь малоподходящее время из-за упомянутых причин, то оно [задуманное] должно было отсрочиться. Тогда я уповаю только на бога и его провиденцию, так как при его благоприятствовании, его благословении наверняка исполнится [задуманное]; уверяю, что наверняка, если будет приложено особое тщание, если будет допущено дружеское расположение, придет спасение.

Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского [его] царского величества.

В. м. м. м. п. Иван Выговский».

(Музей Чарторыйских. ОР, № 1656, л. 212. Копия/Пер. с польск.).

1657, апреля 28(18). Чигирин. — Письмо к канцлеру коронному Стефану Корицынскому с пожеланием установления мира.

«Ясновельможный милостивый пан канцлер коронный,

Наш весьма милостивый пан и приятель.

Доброжелательное расположение в. м. м. пана к нам и всему Войску Запорожскому достаточно убедительно выказал е. м. пан Беневский, секретарь и посол его к. милости, особенно когда изволишь в. м. м. пан приблизить желанный и очень необходимый мир своим намерением и советом. Этого мира и мы отнюдь не избегаем и вообще, как и прежде, так и сейчас не желаем пролития невинной человеческой крови, но склоняемся к тому, чтобы наступила безмятежная тишина после столь тяжелого и бурного смятения. О способах установления мира расскажет в. м. м. м. пану упомянутый его м. пан Беневский, секретарь его к. м.

Теперь же покорно отдаюся милости и расположению в. м. м. м. п. Дан в Чигирине д[ня] 18 апреля по старому стилю 1657 г.

В м. м. м. пану всего доброго желающий приятель и слуга Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского.

Адрес: «Ясновельможному, нам весьма милостивому пану и приятелю его милости Стефану из Пильцы Корицынскому, великому канцлеру коронному».

(Музей Чарторыйских. ОР, № 2713, с. 185 — 188. Оригинал/Пер. с польск.).

№ 18

П Е Р Е Ч Е Н Ь

обнаруженных нами списков документов Б. Хмельницкого*

№ 1) 1. ПАН. ОР, 367, л. 323 об.; 2. БЯ. ОР, 49. РР. V. 9, с. 439—446; 3. БВУ. ОР, Акс. 1949/440, л. 218.

№ 1-6) («реестр кривд»). 1. БЯ. ОР, 49, РР. V. 9, л. 439; 2. БЯ. ОР, 90, л. 3 об.; 3. БВУ. ОР, Акс. 1949/440, л. 218; 4. ПАН. ОР, 2254, л. 95 об.; 5. Ч., ОР, 2576, л. 131; 6. Ч., ОР, 400, л. 340; 7. Ч., ОР, 966, л. 132 (копия с предыдущего документа); 8. Ч., 143, л. 733; 9. Ч., ОР, 144, л. 725.

№ 2) 1. ПАН. ОР, 367, л. 323; БВУ. ОР, Акс. 1949/440, л. 218 об.; 3. БЯ. ОР, 49. РР. V. 9, с. 441—443 (приводится 2-я часть документа: «цедула»).

№ 3) 1. ПАН. ОР, 1062, л. 314; 2. ПАН. ОР, 2254, л. 95 об.; 3. Ч., ОР, 142, л. 49 (копия с документа из рукописи библиотеки Залусских (далее: БЗ); 4. Ч., ОР, 142, л. 71; 5. Ч., ОР, 143, л. 37; 7. Ч., ОР, 2576, л. 103; АГАД, АР, отд. 2, кн. 14, л. 24 об.; 9. ПАН, ОР, 367, л. 326.

№ 4) 1. БВУ. ОР, Акс. 1949/440, л. 243 об.; 2. ПАН. ОР, 1062, л. 263; 3. Ч., ОР, 142, л. 207; 4. Ч., ОР, 379, л. 38—39.

№ 5) 1. АГАД, АР, отд. 2, кн. 14, с. 167; 2. БЯ. ОР, 90, л. 3 об. — 4; 3. БВУ. ОР Акс. 1949/440, л. 244; 4. ПАН. ОР, 1062, л. 278; ПАН. ОР, 367, л. 327—327 об.; 6. Ч., ОР, 142, л. 217—219; 7. Ч., ОР, 143, л. 535 — 537 (копия с документа из рукописи князей Вишневецких); 8. Ч., ОР, 143, л. 507—511 (копия с документа из рукописи Несвижского архива Рад-

* Номера документов Б. Хмельницкого, соответствующие таким же номерам в «ДБХ», выделяем полужирным шрифтом.

зивицеллов); 9. Ч., ОР, 144, л. 525 (копия с документа из рукописи БЗ); 10. Ч., ОР, 379, л. 40—41; 11. Ч., ОР, 400, л. 336; 12. Ч., ОР, 966, л. 128 (копия с предыдущего документа).

№ 6) 1. ПАН. ОР, 1062, л. 261 об.; 2. Ч., ОР, 379, л. 135.

№ 7) 1. Ч., ОР, 142, л. 213; 2. Ч., ОР, 400, л. 335; 3. Ч., ОР, 966, л. 127 (копия с предыдущего документа).

№ 8) 1. АГАД. АР, отд. 2, кн. 14, л. 129; 2. БЯ. ОР, 90, л. 5 (помещена лишь 1-я часть документа без «цедулы»); 3. БВУ. ОР, Акс. 1949/440, л. 247; 4. ПАН. ОР, 367, л. 327; 5. ПАН. ОР, 1062, л. 266—266 об.; 6. ПАН. ОР, 2254, л. 349—349 об.; 7. Ч., ОР, 142, л. 237; 8. Ч., ОР, 142, л. 235; 9. Ч., ОР, 142, л. 239—240 (копия с документа из рукописи БЗ); 10. Ч., ОР, 143, л. 625 (документ датирован 13/VI 1648 г.); 11. Ч., ОР, 379, л. 18; 12. Ч., ОР, 400, л. 338; 14. Ч., ОР, 966, л. 130 (копия с предыдущего документа); 15. Ч., ОР, 2576, л. 126.

№ 9) 1. ПАН. ОР, 367, л. 328; 2. Ч., ОР, 142, л. 241—242 (копия с документа из рукописи архива Станислава-Августа); 3. Ч., ОР, 400, л. 339; 4. Ч., ОР, 966, л. 328 (копия с предыдущего документа).

№ 12) 1. Ч., ОР, 2576, л. 155.

№ 18) 1. Ч., ОР, 142, л. 531 (копия с документа из рукописи Несвижского архива Радзивицеллов); 2. Ч., ОР, 966, л. 135.

№ 19) 1. ПАН. ОР, 1062, л. 271—271 об.; 2. ВГА, СР, 41, л. 47—49.

№ 20) 1. ВГА, СР, 41, л. 51; 2. ПАН. ОР, 1062, л. 271 об.; 3. Ч., ОР, 142, л. 571; 4. Ч., ОР, 379, л. 63.

№ 23) 1. АГАД. АР, отд. 2, кн. 14, л. 131; 2. БВУ. ОР, Акс. 1949/440, л. 274; 3. Ч., ОР, 142, л. 617 (копия с документа из рукописи БЗ); 4. Ч., ОР, 142, л. 657 (копия с документа библиотеки короля Станислава-Августа); 5. Ч., ОР, 379, л. 81; 6. Ч., ОР, 400, л. 341; 7. Ч., ОР, 966, л. 135 (копия с предыдущего документа); 8. Ч., ОР, 2576, л. 203; 9. Ч., ОР, 2576, л. 208 (копия с предыдущего документа).

№ 24) 1. Ч., ОР, 142, л. 713; 2. Ч., ОР, 379, л. 89; 3. Ч., ОР, 2576, л. 233.

№ 25) 1. БВУ. ОР, Акс. 1949/440, л. 293 об.; 2. Ч., ОР, 143, л. 347 — 349; 3. Ч., ОР, 379, л. 137.

№ 26) 1. БВУ. ОР, Акс. 1949/440, л. 293; 2. Ч., ОР, 143, л. 353; 3. Ч., ОР, 379, л. 135—136.

№ 27) 1. Ч., ОР, 143, л. 357.

№ 28) 1. Ч., ОР, 379, л. 144—145.

№ 29) 1. Ч., ОР, 143, л. 355—356; 2. Ч., ОР, 379, л. 143.

№ 30) 1. Ч., ОР, 143, л. 358—359; 2. Ч., ОР, 379, л. 143.

№ 31) 1. Ч., ОР, 143, л. 359; 2. Ч., ОР, 379, л. 145.

№ 33) 1. ПАН. ОР, 1017, л. 48; 2. Ч., ОР, 143, л. 361—362; 3. Ч., ОР, 379, л. 145—146; 4. Ч., ОР, 2576, л. 267; 5. Ч., ОР, 2576, л. 269.

№ 39) 1. ВГА, СР, 41, л. 121.

№ 44) 1. ПАН. ОР, 1017, л. 50.

№ 49) 1. АГАД. АР, отд. 2, кн. 14, л. 235—238; 2. ВГА, СР, I. t. 363, л. 260; 3. Там же, л. 488—489; 4. ВГА, СР, 31, л. 48; 5. ПАН. ОР, 1017, л. 55—55 об.; 6. Ч., ОР, 379, л. 159; 7. Ч., ОР, 144, л. 122 (копия с документа рукописи БЗ № 429).

№ 50) 1. Ч., ОР, 2713, л. 21 (оригинал); 2. АГАД. АР, отд. 2, кн. 14, л. 233; 3. ВГА, СР, I. t. 363, л. 259—260; 4. Там же, л. 487—488; 5. ВГА, СР, 31, л. 46; 6. Там же, л. 267; 7. БВУ. ОР, Акс. 1949/440, л. 319; 8. ПАН. ОР, 365, л. 246 об.; 9. ПАН. ОР, 1017, л. 54—54 об.; 10. Ч., ОР, 144, л. 121—122 (копия с документа из рукописи Несвижского архива Радзивицеллов); 11. Ч., ОР, 144, л. 531 (копия с документа из рукописи БЗ № 429); 12. Ч., ОР, 1657, л. 461.

- № 55) 1. АГАД, АР, отд. 2, кн. 14, л. 393; 2. ВГА, СП, I. t. 363, л. 295; 3. Ч., ОР, 144, л. 313 (копия с документа рукописи БЗ № 429); 4. Ч., ОР, 379, л. 209.
- № 57) 1. ВГА, СР, 31, л. 53.
- № 61) 1. АГАД, АР, отд. 2, кн. 14, л. 378; 2. Ч., ОР, 144, л. 237 — 238 (копия с документа из рукописи БЗ № 429).
- № 65) 1. ПАН. ОР, 2253, л. 62; 2. ПАН. ОР, 2254, л. 183.
- № 67) 1. ЛБАН. ОСИ, II 11594.
- № 68) 1. БВУ. ОР, Акс. 1949/440, л. 373 об.
- № 77) 1. ПАН. ОР, 2254, л. 223; 2. Ч., ОР, 144, л. 575 (копия с документа из рукописи архива короля Станислава-Августа); 3. Ч., ОР, 400, л. 352; 4. Ч., ОР, 966, л. 175 (копия с предыдущего документа).
- № 78) 1. ВГА, АС, 67, л. 239; 2. ПАН. ОР, 2254, л. 221 об.; 3. Ч., ОР, 144, л. 573 (копия с документа из рукописи архива короля Станислава-Августа); 4. Ч., ОР, 400, л. 349; 5. Ч., ОР, 966, л. 143 (копия с предыдущего документа).
- № 80) 1. ПАН. ОР, 2254, л. 222—222 об.; 2. Ч., ОР, 144, л. 579 (копия с документа из рукописи из архива короля Станислава-Августа); 3. Ч., ОР, 400, л. 351; 4. Ч., ОР, 966, л. 143—144 (копия с предыдущего документа).
- № 85) 1. ВГА, СП, I. t. 363, л. 481; 2. БВУ, ОР, Акс. 1949/40, л. 402; 3. ПАН, ОР, 2254, л. 231—231 об.
- № 94) 1. ВГА, СР, 31, л. 85.
- № 125) 1. ПАН. ОР, 2254, л. 278.
- № 128) 1. ВГА, СР, 31, л. 121; 2. Ч., ОР, 1657, с. 300—301; «Theatrum Europaеum» (далее: ТЕ), т. 7. Франкфурт-на-Майне, 1662, с. 73 (под 4/I 1651 г.); 4. Neue polnische Florus (далее: Новый польский Флорус). — Нюрнберг, 1666, с. 135—137.
- № 142) 1. ВГА, СР, 41, л. 151.
- № 143) 1. АГАД, АР, отд. 2, кн. 18, с. 115; 2. ВГА, СП, I. t. 363, л. 633; 3. Там же, л. 635; 4. Ч., ОР, 145, л. 426 (копия с документа из рукописи Несвижского архива Радзивиллов); 5. ТЕ, т. 7. с. 82—83; 6. Новый польский Флорус, с. 244—246 (копия с предыдущего документа).
- № 144) 1. ВГА, СП, I. t. 363, л. 615; 2. Ч., ОР, 145, л. 255—256 (копия с документа из рукописи Несвижского архива Радзивиллов).
- № 147) 1. ВГА, СП, I. t. 363, л. 694; 2. ПАН, ОР, 367, л. 52 об.; 3. ПАН. ОР, 1062, л. 352; 4. Ч., ОР, 611, л. 751—752 (без даты).
- № 148) 1. Ч., ОР, 145, л. 349—351.
- № 159) 1. ВГА, СП, I. t. 363, л. 833; 2. БВУ, ОР, 53, л. 268; 3. БВУ, ОР, Акс. 1949/440, л. 523; 4. ПАН. ОР, 1062, л. 352 об.; 5. ПАН. ОР, 2253, л. 637 об.; 6. Ч., ОР, 142, л. 191.
- № 177) 1. ВГА, СП, I. t. 363, л. 820; 2. Там же, л. 829—830; 3. ВГА, СР, 41 л. 161; 4. ПАН. ОР, л. 353—353 об.; 5. Ч., ОР, 1657, л. 81.
- № 179) 1. ТЕ, т. 7, с. 225—226; Новый польский Флорус, с. 22 (копия с предыдущего документа).
- № 197) 1. БВУ, ОР, Акс. 1949/440, л. 554.
- № 206) 1. ВГА, СП, I. t. 363, л. 933—934; 2. Ч., ОР, 1657, л. 367.
- № 215) 1. Gazette de France, 1653, № 141, с. 1125—1127 (от 8/IX 1653).
- № 217) 1. АГАД, АЗ, 3036, с. 166—168.
- № 203) 1. ТЕ, т. 7, с. 413—414; 2. Новый польский Флорус, с. 251.
- № 250) 1. ЦНБ. ОР, II. 411/372 С.
- № 318) 1. Там же.
- № 320) 1. Там же.
- № 329—335, 337—338, 340) 1. ЦГИАЛ УССР, ф. 52, оп. 2, № 65, л. 738 (в составе дневника Я. Божецкого).

№ 425) 1. Там же, ф. 684, оп. 1, № 1836 (копия вт. пол. XVIII в. с документа из рукописи, хранящейся в Ч., ОР, 2446, с. 24).

Списки документов, которые приписываются Б. Хмельницкому

(даны в соответствии с нумерацией приложения к «ДБХ»).

№ 1) 1. Ч., ОР, 144, л. 725 (копия с документа из рукописи БЗ № 429).

№ 2) 1. Ч., ОР, 398, л. 3—5; 2. Ч., ОР, 1657, л. 461 (557).

№ 4) 1. ВГА, СП, I. t. 363, л. 839.

№ 6) 1. АГАД, ф. Библиотека ординации Замойских, 934, с. 140; 2. «Оссолинеум». ОР, 212 II, л. 3 об.; 3. Ч., ОР, 434, л. 687—689; 4. Ч., ОР, 1656, л. 357; 5. Ч., ОР, 1657, л. 136—137.

Новые списки документов Б. Хмельницкого, не вошедших в «ДБХ»

З б о р о в с к и й т р а к т а т

1. АГАД, АР, отд. 2, кн. 14, л. 299—303; 2. Там же, кн. 18, л. 3—5; 3. БВУ. ОР, Акс. 1949/440, л. 374—374 об.; 4. Там же, л. 386; 5. ПАН. ОР, 1017, л. 60; 6. ПАН. ОР, 1062, л. 55; 7. ВГА, СР, 31, л. 15, л. 307; 8. Ч., ОР, 400, л. 17; 9. Ч., ОР, 1657, л. 462; 10. ЦГИАЛ УССР, ф. 134, оп. 2, № 3; 11. Gazett de France, № 1118 от 6/X 1649 г.

Б е л о ц е р к о в с к и й м и р

1. АГАД, АЗ, № 3036, л. 144—144 об.; 2. БВУ. ОР, 1949/440, л. 476 об. 3. ПАН ОР, 1017, л. 72—73 об.; 4. Ч., ОР, 145, л. 299—302. 5. «Rupstata...» (немецкий «летучий листок», микрофильм которого хранится в БН. Отдел микрофильмов, № 37726).

«О р д и н а н с п о с л о в»

1). Ч., ОР, 400, л. 125; 2. Ч., ОР, 966, л. 134 (копия с предыдущего документа)!

Сохранившиеся документы Богдана Хмельницкого*

Т а б л и ц а 1

Г о д ы	Универсалы	Приказы	Подтвержденные условия перемирий	Мирные договоры записи	Инструкции, кондиции	Письма
1637	—	—	—	1	—	—
1648	6	—	—	—	3	32
1649	7	2	—	2	5	42
1650	6	7	—	1	3	29
1651	10	1	—	1	—	25
1652	7	1	—	—	1	31
1653	5	2	—	—	1	28
1654	12	4	2**	—	4	52
Итого за 1648—1654 гг.	53	17	2	5	18	239
1655	14	—	—	—	—	35
1656	32	1	—	1	3	46
1657	20	1	—	1	2	34
Итого за 1637—1657 гг.	119	19	2	7	43	354

* В таблице не учтены фальсификаты и сомнительные документы, а также документ № 226 «ДБХ», который мы считаем сомнительным. В то же время 2 «завынных универсала», которые в «ДБХ» помещены под рубрикой сомнительных, признаны нами вполне достоверными. Всего известно и опубликовано 520 документов Б. Хмельницкого.

** Датировка приближительна.

Сохранившиеся письма Богдана Хмельницкого (по адресатам)
(датировка писем дана по новому стилю)

Годы	Россия	Речь Поспо- литая	Тран- слав- ния	Крым- ское ханство	Швеция	Турция	Молда- вия	Внут- ренняя пере- писка	Валашия	Венеция	Бран- денбург	Австрия	Итого
1648	6	24	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32
1649	8	19	12	3	—	—	—	—	—	—	—	—	42
1650	10	12	3	1	—	2	—	—	—	1	—	—	29
1651	9	13	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—	25
1652	20	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	31
1653	15	8	3	—	—	—	2	—	—	—	—	—	28
1654	44	1	1	4	1	—	—	1	—	—	—	—	52
<hr/>													
Итого за													
1648 —													
1654 гг. 11/2	88	22	8	1	4	2	1	—	—	1	—	—	239
<hr/>													
1655	12	15	2	—	3	1	—	1	1	—	—	—	35
1656	14	13	11	3	4	—	1	—	—	—	—	—	46
1657	18	9	1	—	2	1	1	—	—	—	1	1	34
<hr/>													
Итого за													
1648 —													
1657 гг. 156	125	36	11	10	6	4	2	2	1	1	1	1	354

Список сокращений

«Архіви України»	АУ
Архив главный актов древних (Варшава)	АГАД
«Акты Литовско-Русского государства»	АЛРГ
«Архив Юго-западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов»	АЮЗР
Библиотека АН СССР (Ленинград)	БАН
Библиотека Вроцлавского университета	БВУ
Библиотека Национальная (Варшава)	БН
Библиотека Варшавского университета	БУВ
Библиотека Ягеллонская (Краков)	БЯ
Воеводский государственный архив (Краков)	ВГА
«Вопросы истории»	ВИ
Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва)	ГБЛ
Государственная публичная библиотека СССР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)	ГПБ
Днепропетровский исторический музей	ДИМ
«Записки історико-філологічного відділу ВУАН»	ЗІФВ
«Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка»	ЗНТШ
Львовская библиотека АН УССР	ЛБАН
Отдел рукописей	ОР
Отдел старопечатных изданий	ОСИ
Библиотека Польской Академии наук (Краков)	ПАН
«Памятники русского права» (М., 1955)	ПРП
Памятники, изданные киевской комиссией для разбора древних актов	ПКК
«Пам'ятники України»	ПУ
Фонды архивов:	
АГАД, ф. Архив Замойских	АЗ
АГАД, ф. Архив Радзивиллов	АР
ВГА, ф. Архив Сангушко	АС
ВГА, ф. Собрание Пиноцци	СП
ВГА, ф. Собрание Русецких	СР
«Український історичний журнал»	УІЖ
Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва)	ЦГАДА
Центральный государственный исторический архив УССР в Киеве	ЦГИА УССР
Центральный государственный исторический архив УССР во Львове	ЦГИАЛ УССР
Центральная научная библиотека АН УССР (Киев)	ЦНБ
Музей Чарторыйских (Краков)	Ч.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. УНИВЕРСАЛЫ И ПРИКАЗЫ Б. ХМЕЛЬНИЦКОГО	
§ 1. Анализ внутренней формы универсалов и приказов	6
§ 2. Анализ содержания универсалов и приказов	23
ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА	
§ 1. «Мартовские статьи»	33
§ 2. Зборовский, Белоцерковский и другие мирные договоры	36
§ 3. Инструкции и кондиции	41
§ 4. Дипломатическая переписка	44
§ 5. Репрезентативность документов Б. Хмельницкого	53
Заключение	56
Список использованной литературы и источников	57
Приложение	64
Список сокращений	80

30 к.

